

О. В. Кардаш^{1,2}, С. А. Липс³, М. О. Сидорова⁴, В. С. Мыглан⁴, Т. В. Лобанова⁵

¹ Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

³ АНО «Институт археологии Севера»
E-mail: sveta_for_9@list.ru

⁴ Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, д. 79, г. Красноярск, 660041, Россия
E-mail: mayasidорова12@gmail.com; E-mail: dend_ro@mail.ru

⁵ Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, д. 202, г. Екатеринбург, 320144, Россия
E-mail: lota_64@mail.ru

Надымский городок: новые данные о хронологии в русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках

Аннотация. Сегодня письменные источники по истории освоения Севера Сибири в XII–XVI вв. доступны к изучению и не раз привлекались исследователями. В этом плане определенным дополнением и уточнением являются материалы, полученные в результате новых стационарных археологических раскопок Надымского городка. С первых лет изучение городка показало, что можно выдвинуть предварительную гипотезу о строительстве данного населенного пункта выходцами из Северо-Восточной Европы на рубеже XIII–XIV вв. Новые данные позволили провести сравнительный анализ археологических материалов с Надымского городка с известными летописными сведениями. Исследования последних лет одной из усадеб первого строительного горизонта помогли определить и более точное время строительства Надымского городка – 1337–1343 гг. Архитектура строений и вещевой комплекс не оставили сомнений в ее принадлежности населению Европейского Северо-Востока.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, река Обь, река Надым, Надымский городок, Новгород Великий, Югра.

Настоящая работа продолжает публикацию материалов исследований Надымского городка, расположенного в 60 км к северу от современного города Надыма в Ямало-Ненецком автономном округе (рис. 1, 2). Надымский городок исследовался непрерывно с 1998 по 2013¹ г. под руководством О. В. Кардаша. В 2016 г. раскопки были возобновлены, в результате чего был получен новый материал, связанный с основанием и первоначальным функционированием городка². Основная задача статьи заключается в том, чтобы как можно более подробно описать и дать анализ его архитектурных особенностей. Кроме того, попытаться определить хронологию выявленных построек в их последовательности. Вторая

¹ Первые комплексные стационарные археологические исследования памятника были проведены экспедицией МУ «Центра историко-культурного наследия» с 1998 по 2006 г. С 2007 года «Центр...» преобразован в ООО «НПО «Северная археология», которое являлось организатором экспедиций с 2007 по 2010 г. Далее исследования проводились АНО «Институт археологии Севера».

² Результаты исследований Надымского городка относительно широко представлены в серии статей, монографий и документальных фильмов. См.: Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2009 и др.

задача – разработать типологию артефактов археологической коллекции Надымского городка, полученных при новых раскопках с учетом предшествующих, что поможет получить представление о хозяйстве населения Надымского городка. В заключении предполагается проанализировать синхронные документальные источники, провести сравнительный анализ вещевого комплекса. Кроме того, попытаться сформулировать первые выводы относительно времени его основания и этнокультурной принадлежности населения жилого комплекса Надымского городка на раннем этапе: в XIII – середине XV в.

Прежде чем представить новые результаты изучения раннего строительного горизонта Надымского городка, будет уместным напомнить о периодизации и особенностях сооружений в более поздних культурных напластованиях: периода конца XVI – первой трети XVIII в. и периода середины XV – второй половины XVI в.

Несмотря на физическую утрату половины территории памятника, в настоящее время Надымский городок представляет собой базовый комплекс архитектурно-планировочных объектов, позволяющий реконструировать позднесредневековый населенный пункт Северо-Западной Сибири XIII – первой трети XVIII в.

Что же удалось выяснить за двадцать лет изучения? Попытаемся составить общий ретроспективный обзор основных строительно-архитектурных, социокультурных и хронологических особенностей Надымского городка.

Для последнего периода функционирования городка *с конца XVI до первой трети XVIII века* достоверно определено, что этот населенный пункт служил территориально-административным центром, зимней резиденцией вождей Большой Карачеи. Это военно-политическое объединение включало несколько территориальных общин, проживавших в южной части полуострова Ямал и на южном побережье Обской губы в низовьях рек Оби, Надыма. Планировочная структура оборонительно-жилого комплекса Надымского городка включала шесть симметричных кварталов. На их территории располагались постройки разных архитектурных традиций, что, очевидно, отражало неоднородный этнический состав населения, а именно – проживание в нем самоедов и остяков. Планировочная структура, вопросы хронологии и периодизации оборонительно-жилого комплекса и отдельных построек Надымского городка уже рассматривались нами ранее [Кардаш, 2003. – С. 88–90; 2006. – С. 128–131; 2008. – С. 460–463; 2009. – С. 41–131; 2011. – № 17. – С. 193–202]. Напомним, что в рамках общей периодизации истории России данный этап соответствует времени владения территорией Севера Западной Сибири Московским царством, а с 1700 г. – Российской империей³. Однако радикальных изменений в материальной культуре Надымского городка, связанных со сменой статуса Российского государства, не фиксируется. Считаем, что данный этап правомерно назвать «периодом позднего Московского царства».

Планировочная структура и архитектура строений в слое последующего строительного горизонта значительно отличается от композиции плана и архитектуры комплекса периода конца XVI – до первой трети XVIII века. В частности, значительно увеличились и ярче проявились элементы традиционной русской архитектуры⁴ (рис. 3). В этой связи был выделен отдельный *переходный* строительный этап, который обозначен хронологически в интервале *середины XV – середины XVI в.* Материалы последних лет раскопок наиболее ранних строительных горизонтов этого населенного пункта только начинают вводиться в научный оборот [Кардаш, 2014. – Том II. – С. 122–131]. Для будущего сравнительного анализа будет уместным охарактеризовать архитектурные особенности данного переходного периода более подробно.

Из значимых отличий архитектуры переходного этапа можно отметить, во-первых, форму городка в плане. При почти неизменном размере форма оборонительно-жилого комплекса именно на этом этапе определяется как прямоугольник (рис. 3). Предположительно, комплекс имел два входа во внутреннее пространство. Судя по остаткам северо-западного входа, к периметру ограждающей наружной стены

³ По административно-территориальному делению Московского царства конца XVI–XVIII веков Надымский городок относился к Обдорской волости Березовского уезда. Вместе с тем в Хорографической книге С. У. Ремезова, составленной в 1697–1711 гг. указана волость Надымская [The Atlas of Siberia ..., 1958. – Р. 116]. Уточнение административного деления Березовского уезда и границ волостей является предметом отдельного специального исторического исследования, но без нахождения новых документальных источников вряд ли возможно.

⁴ Под термином «русская архитектура, русское деревянное зодчество» мы имеем в виду традиции и приемы домостроения, характерные для населения Восточной Европы – Новгорода Великого, Московского царства периода XIV–XVII веков, описанные в большой серии специальных работ [Rhamm, 1908; Красовский, 1916; Маковецкий, 1955; Ополовников, 1983; Крадин, 1988].

примыкало массивное срубное строение. Внутри него находилось помещение размерами 2,5 × 2,0 м, аналогичное жилым домам городка. Эта постройка, очевидно, выполняла функции тамбура (сеней?) в форме прируба к сооружению оборонительно-жилого комплекса (рис. 4). По массивности окладного венца сруба можно предположить, что большее значение придавалось надежности постройки. Окладной венец сформирован из бревен диаметром 30–40 см. В лицевом фасаде сеней находился дверной проем для шарнирной двери (ширина 1,0 м). Внутри оборонительно-жилого комплекса за пространством тамбура (сеней) на центральной оси располагался центральный проход (улица) шириной 2,0 м. Вероятно, эта улица заканчивалась таким же входом (тамбуром) с юго-восточной стороны.

Иной была и конструкция наружных стен. По обнаруженным остаткам в слоях сер. XV – конца XVI в. наружная стена оборонительно-жилого комплекса была засыпной. Ее внешняя сторона (опалубка) формировалась из горизонтального набора бревен (плах), удерживаемых с наружной стороны серией вертикальных столбов, установленных с определенным расстоянием друг от друга (рис. 5). Внутренняя сторона стены местами совмещалась с фасадами примыкавших к ней построек. Между строениями пространство закрывалось горизонтально уложенными бревнами (плахами), так же удерживаемыми столбами. Причем на таких участках нижние, а очевидно и верхние концы столбов (кольев) фиксировались не только в грунте, но и между собой с использованием обойм – сжимов, выполненных из массивных плах (рис. 6). Внутреннее пространство между стенами заполнялось слоем грунта, щепы, веток, отходов строительного и хозяйственного производства и уплотнялось. Такая стена замерзала зимой и вряд ли полностью оттаивала даже в летний период благодаря теплоизолирующим свойствам древесины наружной опалубки.

Еще одно важное отличие – это застройка внутреннего пространства комплекса близкими по размерам (не более 3,0 × 3,0 м) и архитектурным традициям постройками. Все они являются остатками жилых или хозяйственных строений из бревен, грубого бруса и плах, выполненных в простую лапу – охряпку⁵, а иногда в совмещенной технике с рубкой «в обло» с остатком⁶ (рис. 7). В одном случае постройка срублена в технике заплота. Отметим, что во всех случаях постройки имели один фасадный вход в пространство помещения, который закрывался дверным полотном, выполненным из досок, скрепленных шпонками (снаврами⁷). Двери монтировались в проем на боковых шарнирах и открывались только вовнутрь. Такие технологические примеры в домостроении хорошо известны в русском деревянном зодчестве [Красовский, 1916; Маковецкий, 1955; Ополовников, 1983, 1989]. Особо подчеркнем этот факт, поскольку он важен для последующего анализа и идентификации культурной принадлежности архитектурных традиций построек Надымского городка.

В целом оборонительно-жилой комплекс городка в период сер. XV – конца XVI в. реконструируется как прямоугольное в плане сооружение. По периметру оно представлено засыпной наружной стеной и снабжено двумя входами в виде срубных построек (сеней – «башен?»). Внутреннее пространство городка составляли срубные дома, почти симметрично размещенные относительно центрального прохода (улицы). Общие принципы такого сооружения находят аналогии в архитектуре русских острогов конца XVI – XVIII вв., известных на территории Северо-Западной Сибири: Юильский Казымский острог и ряд других сибирских крепостей XVII–XVIII вв. [Крадин, 1988. – С. 62–173]. Архитектура отдельных строений разнообразна и в целом требует отдельного углубленного анализа. Тем не менее и сейчас при визуальном осмотре можно отметить много черт, связывающих архитектурные традиции Надымского городка сер. XV – конца XVI в. с русским деревянным зодчеством. Таким образом, данный период функционирования оборонительно-жилого комплекса является переходным от одной архитектурной традиции к другой, с очевидными изменениями в композиции плана.

Данный хронологический период также соответствует времени владения Московским царством территорией Севера Западной Сибири. Вместе с тем следует отметить ряд хронологических уточнений и пояснений относительно временных рамок. Для Севера и Сибири значимым рубежом, разде-

⁵ В охряпку – соединение двух бревен впрямую, когда угол объединения выполнен в прямоугольной форме как на верхнем, так и на нижнем бревне. Как правило, применяется при возведении хозяйственных построек [Деревянное зодчество, 1992. – С. 14]

⁶ Врубка «в обло» с остатком – соединение горизонтально укладываемых бревен в углу с помощью чаши, вырубленной в нижнем бревне для укладки верхнего бревна. Остающиеся при этом за углом концы бревен называются остатком [Деревянное зодчество, 1992. – С. 14].

⁷ Снавра – поперечный брус, перекладина (двери, ставня, плота и т. п.) [Словарь русских народных говоров, 2005].

ляющим эпоху Московского царства на две части, является период строительства в конце XVI века сети городов – административных центров управления и таможенных застав⁸. Такие пункты ранее не строилось или не получили дальнейшего развития. Именно с этого времени начинаются изменения в архитектуре Надымского городка, которые в начале XVII века нашли отражение как в архитектуре, так и в материальной культуре, что, очевидно, явилось следствием изменения этнического состава населения. Таким образом, хронологическая граница раннего и позднего Московских периодов имеет определенные исторические и археологические обоснования.

Начало Московского этапа владения Севером Западной Сибири, согласно письменным источникам, имеет определенную дату: 8 октября 1484 г. Московский царь Иван III принял титул «князя Югорского». Эти события произошли после похода в Югру воевод Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травина в 1483–1484 гг. [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Именно с этого времени Югра как волость Новгорода Великого переходит под юрисдикцию Московского царя. Однако присоединение обширной территории не было результатом одной военной операции. Процесс обретения новгородской Югры царь Иван III Васильевич запустил еще в 1465 г., повелев Василию Скрыбе и князю Василию Вымскому Ермоличу «Югорскую землю воевати». По документальным источникам, поход закончился удачно. В Москву привели пленных югорских вождей, которых Великий князь Иван Васильевич «пожаловал Югорским княжением, и отпустил в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую» [Лерберг, 1819. – С. 22–23]. Несмотря на это, уже через пять лет, в 1470 г., «волость Югра» вновь упоминается в Договорных грамотах новгородцев с Великими Князьями Тверскими как территория Новгорода Великого [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. Только новый военный поход, организованный через четырнадцать лет, изменил административную ситуацию. Таким образом, обретение северных территорий Москвой не было единовременным актом, а продолжалось в период правления Ивана III несколько десятилетий. В связи с этим данный этап истории Югры правомерно назвать периодом раннего Московского царства, а его начало определить 80-ми годами XV века.

Архитектура жилого комплекса XIII – середины XV века

В 2016 году в результате раскопок центральной части оборонительно-жилого комплекса на уровне культурных слоев XIII – сер. XV в. были выявлены остатки жилых и хозяйственных сооружений с набором архитектурных элементов и характеристик, не фиксируемых ранее. Предполагаем, что данные постройки относятся ко времени основания и первоначального функционирования Надымского городка. Заметим, что композиция плана городка и архитектура построек в исследуемом строительном горизонте значительно отличаются от планировочных и конструктивных решений сооружения городка, выявленных в более поздних строительных горизонтах, относящихся к сер. XV – первой трети XVIII века.

На раннем временном этапе (XIII–XIV вв.) функционирования городка реконструируются две формы пространственной организации оборонительно-жилого комплекса. Первоначальная форма плана городка восстанавливается по исследованным в 1998 и 2016 гг. жилым постройкам № 19, 22 и хозяйственному сооружению – погребу. Планировочная структура реконструируется как компактная, близкая по форме к прямоугольнику, размерами 23,7 × 19,7 м, вытянутому по оси запад-северо-запад – восток-юго-восток. Судя по выявленным постройкам, планировочную структуру Надымского городка в этот период составляли четыре избы с хозяйственными постройками по периферии, окруженные по периметру оборонительной системой (рис. 8).

Анализируя реконструируемую планировочную структуру городка, конструктивные особенности строений и полученные данные дендрохронологического анализа (табл. 1), можно предположить, что оборонительно-жилой комплекс ранних слоев Надымского городка не был возведен единовременно. Он развивался и достраивался в течение нескольких десятилетий, начиная с первой половины XIII века. В таком виде городок просуществовал около двух столетий, а точнее до 20-х годов XV века.

К периоду основания Надымского городка на территории оборонительно-жилого комплекса относится группа построек, состоящая из четырех жилых (два из них – № 19, 22 – частично исследованы) и одной хозяйственной – погреб (рис. 8).

⁸ Первыми населенными пунктами были Обской (Мансуров) городок 1584 г., Лозьвинский городок 1587–1588 гг. В 1593 г. основан уездный город Березов, в 1594 г. – уездный город Сургут. Этот перечень может быть продолжен.

Постройки № 19, 22 впервые были выявлены и исследованы в 1998 году [Кардаш, 1999]. В береговой осыпи стратиграфически зафиксированы части северо-западной и юго-западной стен постройки № 19 и северо-восточный угол постройки № 2 [Кардаш, 2009. – С. 69]. На тот момент им не были присвоены порядковые номера. Постройки законсервировали. В 2016 году исследования построек были возобновлены в связи с планиграфическим раскрытием культурного слоя.

Постройка № 19 сохранилась частично: два фасада и часть пола (рис. 8–10). Остальной объем не сохранился – был смыт водами протоки. В итоге историко-архитектурного анализа постройка реконструирована как отдельно стоящее сооружение, ориентированное по оси север-северо-восток – юг-юго-запад. Ее размеры в плане по осям составляют: 5,5 × 6,0, или 6,0 × 6,5 yd (18,0 × 19,7 ft)⁹.

Фундамент постройки реконструируется на основании обнаруженной под северо-западным окладным венцом вертикальной конструкции в виде сваи из комлевой части ствола дерева (рис. 11, 12). Постройка была установлена на специальное основание – «стулья»¹⁰. Сваи-«стулья» были вкопаны в ранее сформированный культурный слой, состоявший из щепы, травы и иных органических остатков (рис. 11, 12). Сруб четырехстенки¹¹ выполнен в технике «в обло» с остатком из бревен различного диаметра от 18 до 22 см. Чаша выбрана в верхней части каждого нижнего бревна. В верхней и нижней частях бревен стесаны небольшие «площадки», куда между бревен укладывался мох. В северо-западном фасаде сохранилось 8 венцов, в юго-западном – 7 венцов. Дверной проем или детали порога в обнаруженных венцах сруба отсутствуют. Имея в виду расположение дома относительно протоки, а также известной традиции устройства дощатого настила пола «по ходу» от двери, можно предположить, что вход в жилище – судя по дверному проему – находился в юго-восточном фасаде, обращенном к руслу протоки. Остатков печи в доме не выявлено. Отсутствие нагара на поверхности сохранившихся стен указывает на возможное расположение печи в восточном углу дома, справа от входа. Внутри сруба в западном углу обнаружены остатки настила. Пол постройки, вероятно, по всей ее площади был выложен из тесаных плах и досок (ширина – до 15 см, толщина – около 2,5–5,0 см) параллельно юго-западной стене.

Постройка № 22 полностью сохранилась в плане. Объем ее некоторых фасадов достигает 3–4 венцов (рис. 13). Она представляла собой отдельно стоящее сооружение, ориентированное по оси север-северо-восток – юг-юго-запад. Размеры в плане по осям составляют: 5,5 × 6,0 м, или 6,0 × 6,5 yd (18,0 × 19,7 ft). Специально устроенного фундамента – основания под окладным венцом строения – не обнаружено. Дом был установлен без фундамента – «на пошву», в виде сруба четырехстенки. Он выполнен в технике «в обло» с остатком. В местах сопряжения конструкций сохранились фрагменты бревен (диаметр от 18,0 до 25,0 см). Чаша выбрана в верхней части каждого нижнего бревна. В верхней и нижней частях бревен стесаны небольшие «площадки», куда между бревен укладывался мох (рис. 17, 18). С северо-западной стороны зафиксированы два венца, с северо-восточной и юго-восточной сторон зафиксированы три венца, с юго-западной стороны – один венец. По периметру постройки наблюдаются остатки завалинки в виде культурного слоя, состоящего из грунта, строительного мусора, щепы с примесью глины.

Пороговая конструкция в венцах сруба не обнаружена. Судя по расположению дома в рамках планировочной структуры жилого комплекса, а также по расположению нар и печи внутри помещения постройки, можно предположить, что вход в жилище был с северо-восточной стороны. Преобладающие ветра в регионе – северные и северо-восточные, т. е. вход размещался с ветреной стороны. Для сокращения теплопотерь жилище нуждалось в дополнительной защите от ветра и атмосферных осадков. Вероятно, эту функцию выполняла стоявшая напротив сооружения четвертая постройка, которая к настоящему времени не сохранилась.

⁹ Здесь и далее наряду с метрической системой измерений приводятся значения в английской системе мер, поскольку она складывалась в «дометрическое» время, и в качестве «эталона» использовались какие-либо части тела, емкости или подручные материалы. Например, Inch (дюйм) составлял среднюю ширину большого пальца мужской руки = 2,54 см; Foot (фут) был равен средней длине ступни взрослого человека = 12 дюймам = 0,3048 м; Yard (ярд) был привязан к длине пояса (окружности талии) = 3 фута = 0,9144 м [https://ru.wikipedia.org/wiki]. Отсутствие в числе археологических находок Надымского городка специальных измерительных предметов указывает на то, что при строительстве использовалась подобная архаичная система измерения.

¹⁰ Стулья свайные – опоры для нижнего венца или несущих балок пола, воспринимающие всю нагрузку от постройки, бревна-коротыши, поставленные торцами под нижние венцы или углы здания [Деревянное зодчество, 1992. – С. 25].

¹¹ Четырехстенка – изба из одного помещения без сеней, из четырех стен, колодцем [Деревянное зодчество, 1992. – С. 27].

О конструкции крыши постройки 22, так же как и постройки 19, можно судить по находкам в пространстве жилого комплекса досок от щипцовых завершений торцевых стен срубов¹², в частности верхних – «самцов»¹³ (рис. 16). Данные детали могут свидетельствовать о наличии двускатной самцово-слеговой кровли с небольшим отверстием в кровле для дымоудаления у обеих построек. Такие отверстия хорошо известны в более позднее время в кровлях жилых домов XVIII–XIX вв. аборигенного населения Нижней Оби (рис. 14 [Визгалов, Кардаш, 2012], рис. 15 [Кардаш, Визгалов, 2003]).

Организация внутреннего пространства постройки № 22 имеет ряд радикальных отличий от построек, функционировавших в период середины XV – первой трети XVIII века. Во-первых, внутри сруба по всему периметру находился глинобитный пол средней толщиной 3–5 см (местами до 10 см). Он выполнен из чистой материковой глины и выложен поверх рыхлого культурного слоя (строительного мусора мощностью 3–5 см), сформировавшегося непосредственно на древней поверхности береговой террасы протоки (рис. 19). Следующая особенность – наличие нар, расположенных вдоль юго-западной стены постройки. Настил нар приподнят над полом на уровень второго венца (ок. 0,25–0,3 м). Он опирался на лагу, концы которой фиксировались в пазах, вырубленных в стенах (рис. 17). Расстояние от края лаги до поверхности стены составляет 1,54 м = 5,0 ft. С учетом выступающего края досок настила ширина нар могла достигать 1,7 м – 5,6 ft (рис. 17). Остальное пространство помещения было открытым.

В северном углу постройки находилась подовая печь (очаг). Ее остатки представляли собой большое пятно глины с прокаленными участками, золисто-углистыми линзами и вкраплениями общим размером 1,5 × 0,8 м (рис. 20). Пятно частично перемешано с развалом камней, который распространялся за пределы постройки у стены северо-западного фасада. Рядом с пятном глины зафиксирован кол диаметром 6 см, который, вероятно, отмечал внешний угол печи и служил креплением для опечка. Максимальные реконструируемые размеры основания печи составляли 1,9 × 1,2 м. Распространение камней и прокаленной глины указывает, что разрушение конструкции печи происходило с некоторой высоты. Судя по обнаруженным остаткам развала, восстанавливается два варианта конструкции печи.

Первый вариант – это подовая печь из камней и глины на специальном деревянном основании – опечке. Опечек, вероятно, формировался на основе деревянного каркаса, состоящего из плах, один конец которых установлен в продольные пазы в стенах, а другой закреплен колом (кольями), создавая внешний угол в пространстве помещения. Каркас удерживал дощатый настил, на который укладывался слой материковой глины и камней. Высота этого основания над уровнем пола составляла не менее 0,5–0,7 м (уровень 4–5 венцов). На то, что печь была приподнята над полом, указывает тонкая прослойка (1,0–2,0 см) культурного слоя на глинобитном полу под слоем прокаленной глины и камней. Наличие локального прокаленного участка глины свидетельствует о высокой температуре в печи, что наиболее вероятно в закрытом пространстве при наличии свода.

Второй вариант реконструкции печи – это каменная подовая печь на небольшом глиняном возвышении. Под, вероятно, был выложен камнями и подмазан глиной. Стенки и свод печи были довольно высокие (до 1 м в высоту), выложены из камней, связующим раствором служила глина. Своды печей чаще всего не имели никаких отверстий, и дым выходил из печи через топку.

Заметим, что в домах с топкой печи «по-черному» потолки отсутствовали, так как удаление дыма требовало дополнительного верхнего пространства, чтобы избежать заполнения всего помещения [Раппопорт, 1975. – С. 144].

Погреб – хозяйственное сооружение, находился рядом с постройкой № 22 с юго-восточной стороны. Как и жилище, оно ориентировано по оси север-северо-восток – юг-юго-запад. В полевом сезоне 2016 года была расчищена только верхняя часть его конструкции (рис. 21, 22). Внутренняя часть погреба (углубление в грунте) не исследовалась, поскольку была схвачена мерзлотой. Наземная часть погреба – напогребница

¹² Конструктивные особенности сооружений русского деревянного зодчества рассмотрены специалистами архитекторами [Подъяпольский и др., 2000; Ащепков, 1950; Ополовников, 1983; Красовский, 1916] и археологами [Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI–XII вв. н. э.), 1974; Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв., 1974]. Авторы рассматривают самцово-слеговую кровлю как наиболее архаичную и распространенную безвоздевую кровельную конструкцию.

¹³ Щипец (самец, фронтон) – верхняя часть торцевой стены сруба, ограниченная двумя скатами кровли [Деревянное зодчество, 1992. – С. 27]. Щипец (= Щипцовый фронтон) – двускатный верх стены, переходящий без выступов в ее основную плоскость [Плужников В. И. Термины русского архитектурного наследия, 2011. – С. 389]

(напогребник)¹⁴ представляла собой прямоугольную площадку, сформированную грунтом (глиной), извлеченным из погребной ямы. По периметру глиняная площадка фиксировалась вертикальными кольями диаметром 8–10 см. Общий размер наружного сооружения составлял приблизительно $2,1 \times 2,8 \text{ м} = 2,3 \times 3,0 \text{ yd}$ ($7,0 \times 9,2 \text{ ft}$), в рамках которого ширина обваловки составляла 0,5–0,6 м (рис. 13). В центре площадки располагались деревянные конструкции, формирующие проем входа (лаза) в пространство погребка и крышку. Размеры конструкций проема и крышки $1,60 \times 0,92 \text{ м} = 1,7 \times 1,0 \text{ yd}$ ($5,2 \times 3,0 \text{ ft}$). По периметру крышки выявлены вертикально установленные деревянные конструкции, являющиеся элементами каркаса и облицовки (опалубки) стен погребка. Деревянная опалубка удерживает грунт и предотвращает его осыпание в помещение погребка. Реконструируемая глубина погребка около 1,2 м.

Постройка № 21 относится к переходному периоду функционирования оборонительно-жилого комплекса середины XV – середины XVI в. Она располагалась в центральной части жилого комплекса. В слое сохранились только окладной венец сруба, в северо-восточном фасаде сохранились 2 нижних венца (рис. 23–25). Сооружение квадратное в плане, внутренние размеры помещения $3,60 \times 3,50 \text{ м} = 3,9 \times 3,8 \text{ yd}$ ($11,8 \times 11,5 \text{ ft}$), ориентировано по оси запад-северо-запад – восток-юго-восток. Сруб был поставлен на почву и выполнен в технике «в обло» с остатком. Стены постройки состояли из тонких бревен диаметром около 14–19 см. Детали порога не выявлены. Судя по наличию врубок в сохранившихся бревнах юго-западного и северо-восточного фасадов, в которых фиксировались лаги, пол постройки был выложен из досок. Направление досок – с северо-запада на юго-восток, что позволяет предполагать наличие входа в одном из этих направлений.

Остатков очага либо печи в постройке не обнаружено, в этой связи ее правомерно определить как нежилое хозяйственное помещение. Вместе с тем постройка № 21 значительно отличается от срубных хозяйственных сооружений Надымского городка периодов конца XVI – первой трети XVIII века.

Таким образом, сравнительный анализ архитектуры и метрических характеристик построек позднего (конца XVI – первой трети XVIII века) и раннего (XIII – сер. XV века) периодов четко фиксирует их различия. А постройка № 21 переходного этапа (конца XVI – первой трети XVIII века) выявляет некий симбиоз двух этапов, т. е. переход от русской архитектурной традиции к традиционному строительству аборигенов Севера Западной Сибири.

Хронология построек первого строительного этапа

Хронологические данные об основании Надымского городка, о начальном периоде его функционирования, как отмечалось выше, уже освещались в ряде работ. Их получение основано на дендрохронологическом анализе образцов древесины из осыпи культурного слоя. В течение двух лет раскопок Надымского городка (1999, 2000 гг.) к изучению было привлечено около ста образцов. Они позволили предварительно определить начальный период функционирования Надымского городка в пределах самого конца XII – нач. XIII века [Кардаш, 2009. – С. 33, 34. Прил. III. – Табл. IX]. Причем годы периферийных колец у серии ранних образцов интервала конца XII – начала XIII века не соответствовали году формирования подкорового кольца. То есть с учетом утраты периферийных колец, а также использования погибших деревьев, собранных по берегам реки Надым, хронологический интервал основания городка мог, вероятнее всего, включать первую треть XIII века (1200–1230 годы), но вряд ли позднее. Исходя из этого, именно в пределах конца XII – начала XIII века первоначально было определено время основания Надымского городка. Этот период можно было бы признать, если полностью исключить вероятность ошибки определения возраста по дендрохронологическому методу, выполненному В. М. Горячевым, сотрудником лаборатории дендрохронологии ИЭРиЖ УрО РАН. Полностью исключить ошибку мы не можем, поэтому вопрос о дате основания населенного пункта и первых построек поселения оставался открытым до момента археологического изучения начального строительного горизонта.

В процессе археологического изучения культурного слоя XIII – сер. XV века из конструкций трех построек, расположенных на участке раскопа 2016 г., для дендрохронологического анализа было отобрано 24 образца (табл. 1). 12 образцов (табл. 1) взяты с постройки № 13.4¹⁵ (участок Е-И/57–59).

¹⁴ Напогребник – надстройка над погребом. Погребка с напогребником бывают на дворах и околище [Словарь русских народных говоров, 1985].

¹⁵ Нумерация отражает 4 уровня реконструкции данного строения, последовательно сменявших друг друга на одном и том же

Данная постройка представляет собой жилое срубное строение размером $2,60 \times 2,90 \text{ м} = 2,8 \times 3,2 \text{ уд}$ ($8,5 \times 9,5 \text{ ft}$), выполненное из досок в простую лапу «охряпку» с дверным проемом в северо-восточном фасаде. Дверь дощатая на шпонках – снаврах, крепление шарнирное. В центре находился очаг в деревянной раме, вдоль задней стены размещались нары, уложенные на грунт. По результатам дендрохронологического анализа монтаж строения произошел не ранее 1440 года, но и, судя по наличию коры на конструкциях окладного венца, не многим позднее этого года. Постройка 13.4 была установлена поверх постройки 22 и прорезала ее окладной венец юго-западного фасада.

Что же касается постройки № 22, то по результатам дендрохронологического анализа ее монтаж относится ко времени не ранее 1337 года. Правда, один из образцов имеет дату 1336 год и подкорковое кольцо, определяющее год гибели (рубки) дерева. Наличие второго образца с периферийным кольцом 1337 года и поправкой на утрату нескольких колец (от 1 до 10) позволяет определить год монтажа строения в интервале от 1338 до 1347 года. Судя по диаметру бревен и следам коры, возможно, что верхняя вероятная дата не выходит за начало 40-х годов XIV века. Таким образом, учитывая дату монтажа постройки 13.4, можно заключить, что постройка № 22 функционировала довольно продолжительный срок – около столетия и, скорее всего, была разобрана в связи с обветшалостью конструкций и началом строительства нового жилого комплекса.

Примечательно, что время монтажа постройки № 21 совпадает со временем монтажа постройки № 13.4. Вместе с тем перепад высот между уровнем пола этих строений составляет 0,3–0,4 метра. На наш взгляд, это является подтверждением того факта, что строение № 22 функционировало практически весь этот период, в результате чего по его периметру сформировался культурный слой мощностью около 0,5 м, и на этом уровне была смонтирована постройка № 21, а постройка № 13.4 была опущена почти на уровень пола постройки № 22. Во взаиморасположении построек № 13.4 и 21 не прослеживается определенной обоснованности и регулярности планировки. Возможно, это является отражением некоего переходного периода реконструкции жилого комплекса Надымского городка.

Определение времени функционирования постройки № 19 не проводилось. На данном этапе исследований мы датируем ее исходя из нашей теории развития застройки первого Новгородского периода. Кроме того, в первые годы изучения Надымского городка на склоне берега из обнаженных деревянных конструкций нижней части культурного слоя была сделана серия спилов, датированных концом XII века. К сожалению, на момент сбора образцов их невозможно было связать с каким-либо конкретным сооружением, но в настоящий момент известно, что спилы конструкций постройки 19 также вошли в эту серию. Местоположение постройки на плане городка, уровень фиксации конструкций, ее размеры, срубная техника – все это в совокупности косвенно подтверждает, что постройка 19 относится к новгородскому периоду существования городка. Работа по достоверному определению времени функционирования постройки предстоит в ближайшем будущем.

По стратиграфическому разрезу культурного слоя городка видно, что уровень высоты останца террасы неровный, с перепадом высоты около 0,5 м. Предполагаем, что застройка велась сначала на возвышенном участке, наименее всего подверженном затоплению паводковыми водами, или при летнем подъеме воды. Постройка 19 расположена на более высоком месте, которое дополнительно приподнято искусственно сформированной насыпью высотой 1,2 м, состоящей из строительного мусора. Постройка 22 расположена ниже, вероятно, уже на подтопляемом участке. Судя по ее менее выгодному положению на территории, полагаем, что она возведена позднее постройки 19. Однако факт наличия культурного слоя в основании постройки 19 говорит о существовании еще более раннего сооружения с западной стороны – постройки 23 (рис. 8), при строительстве которой и сформировалась искусственная площадка под постройкой 19. Мы полагаем, что развитие городка начиналось с северо-западной части территории, а именно с постройки 23, и впоследствии продолжалось в южном направлении, т. е. от возвышенной части территории к более низкой. Учитывая, что постройка 22 датирована 1337 годом (табл. 1) и возводилась одной из последних, строения с северо-западной стороны могут иметь более ранние даты строительства. Таким образом, эта гипотеза развития оборонительно-жилого комплекса позволяет считать, что городок был основан ранее первой трети XIII века. Возможно,

дать его основания лежит на рубеже XII–XIII вв. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы необходимы дальнейшие комплексные исследования городка.

Таблица 1

Дендрохронологическая характеристика образцов археологической древесины, отобранных при расчистке оборонительно-жилого комплекса Надымского городка в 2016 г.

№ п.п.	Образец	Порода древесины	Примечание по утрате периферийных колец	п.к.	пр.к.	R	SD	Элемент конструкции	Участок отбора образцов
Постройка 13.4									
11	16ng11	<i>Picea obovate</i> Ledeb	до 10 колец	1305	1434	0,273	0,984	лиц. ф.	Е-И/54-59
12	16ng13	- // -	до 10 колец	1251	1423	0,32	0,999	лиц. ф.	Е-И/54-59
13	16ng14	- // -	подкорвовое кольцо	1320	1440	0,595	0,984	л. б. ф.	Е-И/54-59
14	16ng15	- // -	до 10 колец	1339	1436	0,408	0,996	л. б. ф.	Е-И/54-59
15	16ng16	- // -	до 10 колец	1355	1436	0,351	0,995	л. б. ф.	Е-И/54-59
16	16ng17	- // -	до 10 колец	1323	1436	0,642	0,992	з. ф.	Е-И/54-59
17	16ng18	- // -	до 10 колец	1317	1385	0,612	0,986	з. ф.	Е-И/54-59
18	16ng20	<i>Pinussibirica</i> Du Tour	более 10 колец	1268	1433	0,275	0,985	п. б. ф.	Е-И/54-59
19	16ng12	<i>Picea obovate</i> Ledeb	Не датируется					лиц. ф.	Е-И/54-59
20	16ng19	- // -	Не датируется					з. ф.	Е-И/54-59
21	16ng26	- // -	до 10 колец	1326	1431	0,579	0,316		Уч. К/55
22	16ng27	- // -	более 10 колец	1340	1422	0,579	0,256		Уч. Л/57
Постройка 21									
23	16ng21	<i>Picea obovate</i> Ledeb	более 10 колец	1300	1430	0,496	0,997	лиц. ф.	К-Н/50-54
24	16ng23	- // -	более 10 колец	1311	1422	0,496	0,973	л. б. ф.	К-Н/50-54
25	16ng22	- // -	Не датируется					лиц. ф.	К-Н/50-54
26	16ng24	- // -	Не датируется					з. ф.	К-Н/50-54
27	16ng25	- // -	Не датируется					п. б. ф.	К-Н/50-54
28	16ng25A	- // -	Не датируется					п. б. ф.	К-Н/50-54
Постройка 22									
29	16ng31	<i>Picea obovate</i> Ledeb	более 10 колец	1218	1337	0,526	0,997	л. б. ф.	К-Н/55-60
30	16ng33	- // -	более 10 колец	1223	1329	0,389	0,993	п. б. ф.	К-Н/55-60
31	16ng32	<i>Larix sibirica</i> Ledeb	более 10 колец	1242	1332	0,302	0,994	з. ф.	К-Н/55-60
32	16ng28	<i>Picea obovate</i> Ledeb	более 10 колец	1180	1336	0,444	0,990	лиц. ф.	К-Н/55-60
33	16ng30	- // -	подкорвовоекольцо	1235	1336	0,420	0,998	л. б. ф.	К-Н/55-60
34	16ng29	- // -	Не датируется					лиц. ф.	К-Н/55-60

Примечание: п.к. – год формирования первого кольца на образце; пр.к. – год формирования периферийного кольца; R – межсерийный коэффициент корреляции стандартизированных серий прироста; SD – стандартное отклонение; **жирным** шрифтом – наиболее поздние даты постройки.

Picea obovate Ledeb – Ель сибирская.

Pinus sibirica Du Tour – Сосна сибирская кедровая, или Сибирский кедр.

Историко-архитектурный анализ построек раннего строительного горизонта

Для идентификации культурно-этнической принадлежности домостроительных традиций Надымского городка периода XIII – сер. XV века крайне важно сравнение с архитектурой синхронных этому периоду построек, принадлежавших аборигенному населению. В настоящее время раскопками исследовано два городища, достоверно принадлежавшие древнему аборигенному населению. Оба

они имеют мерзлый культурный слой, в котором сохранились строения XIII–XIV вв. аналогичной степени сохранности архитектуры, что позволяет проводить полноценный корпоративный анализ. Для сравнения были взяты два строения нижнего слоя Войкарского городка, расположенного в нижнем течении р. Оби (ландшафт северной тайги), и верхний строительный горизонт городища Бухта Находка на п-ве Ямал (тундровый ландшафт) [Федорова, 2006. – С. 11–17; 2007, Кардаш, 2008, 2011б]. Несмотря на определенные отличия в архитектуре войкарских и находкинских построек, они имеют принципиально общие черты. Во-первых, это каркасная конструкция строения, стены которого формируются из торфо-дерновых брикетов в опалубке из вертикально установленных тонких бревен, плах или жердей. Во-вторых – наличие двух входов в пространство жилого дома. Основной вход располагался на плоской кровле над очагом, и второй – в лицевом фасаде постройки. Фасадный вход чаще всего использовался как вентиляционный. Ни тот ни другой не предусматривали наличие дверной конструкции. Изученные раскопками проеомобразующие конструкции фасадных входов не рассчитаны для монтажа какого-либо дверного полотна. Важной деталью архитектуры жилых комплексов аборигенного населения XIII–XIV вв., известной пока только по результатам раскопок городища Бухта Находка, является отсутствие отдельных хозяйственных строений внутри оборонительно-жилого комплекса. В итоге следует заключить, что жители северо-таежных и субарктических районов Северо-Западной Сибири до XV в. не имели специализированных хозяйственных строений и не использовали в домостроении технологии возведения срубных домов с дверными конструкциями. Таким образом, очевидно, что постройки № 19, 21 и 22 не имеют общих черт с домостроительными традициями аборигенного населения субарктических районов Северо-Западной Сибири синхронного периода.

В этой связи архитектуру строений жилых комплексов Надымского городка XIII – сер. XV века можно рассматривать в контексте развития архитектуры построек Надымского городка и на значительно более широком территориальном и хронологическом фоне истории развития срубного домостроения.

На территории Надымского городка в полностью исследованном культурном слое периода сер. XV – первой трети XVIII века срубных построек с параметрическими характеристиками, подобными вышеописанным постройкам № 19, 21 и 22, не зафиксировано. Вместе с тем известно, что срубные постройки с размерами сторон более 5 м, выполненные в технике «в обло» с остатком, с чашей, выbranной в верхней части каждого нижнего бревна, с прокладкой из мха прослеживаются в славянских жилищах начиная с VI–VII вв. [Раппопорт, 1975. – С. 131]. В архитектуре жилищ аборигенного населения такая техника встречается лишь в XIX веке и связана, вероятно, с появлением и распространением на территории русского оседлого населения.

Также в древнерусском зодчестве известно, что при строительстве жилища на неровной площадке с неплотным грунтом под нижний венец и углы дома подводилось фундаментное основание. Одним из способов было устройство «стульев» – закопанных в землю свай под углами дома. Такие фундаменты зафиксированы у построек XIII века в Новгороде Великом [Там же. – С. 132]. Кроме того, для жилищ северной и западной частей лесной зоны (Новгород, Белоозеро) характерно устройство дощатого пола. Доски пола обычно укладывали по лагам. В одних случаях лаги лежали по земле, в других они были врублены в венцы сруба (между первым и вторым или вторым и третьим) [Там же. – С. 128–139]. Приведенные аналогии размеров и конструкции пола наиболее соответствуют архитектуре постройки № 19 и 21. Причем архитектурная традиция врубки лаг пола в окладной венец, отмеченная в постройке № 21, продолжает бытовать в русском деревянном зодчестве и вновь появляется на Крайнем Севере Западной Сибири, в частности в Мангазее, в XVII веке (рис. 26). В это же время появляются срубные постройки размером свыше 3,0 × 3,0 м [Визгалов, Пархимович, 2008]. Культурно-этническая принадлежность архитектуры жилых и хозяйственных сооружений Мангазеи к русскому населению также не вызывает сомнения. В постройках Пронского городища описано, что в основании избы фиксировался уплотненный глиняный пол, толщина напластования которого 10–14 см [Милонов, 1931. – С. 20]. Жилища с глинобитным полом выявлены также в юго-восточной Эстонии в городище Рыуге. Жилища реконструируются как наземные срубные постройки с глинобитным полом, размерами от 3 × 2,5 до 6 × 5 м. Жилища с глинобитным полом известны также на городищах Камно и Псковском [Седов, 1975. – С. 289–290].

Расположение печи в постройке № 22 не противоречит планировке древнерусских жилищ XII–XIII вв. в северных районах – Новгородско-Псковских землях и Белозерье, где расположение печи чаще всего фиксируется в углу справа от входа, устьем в сторону входа [*Раппопорт, 1975.* – С. 128–139]. Подобные конструктивные особенности печи известны нам на Пронском городище и в жилищах Новгорода [*Там же.* – С. 113–123; *Милонов, 1931*]. В большинстве случаев печи топились по-черному, т. е. с выходом дыма через устье топки [*Раппопорт, 1975.* – С. 128–139].

Важной находкой является обнаруженный у постройки № 22 погреб. Ранее о средневековых погребках на территории Севера Западной Сибири известно не было. Исследователями средневековых поселений Западной Сибири подобные сооружения не зафиксированы [*Зыков, 2012*]. Хозяйственные постройки, в том числе погреба, входят в состав традиционной славянской усадьбы XIII–XV вв. [*Рабинович, 1975*]. Размеры погреба и непосредственно самой ямы погреба зависели от выбранной конструкции и объемов продуктов хранения. Встречались небольшие по объему погреба в виде врытой в землю бочки [*Там же.* – С. 169, 206].

В целом сравнительный анализ архитектуры построек № 19, 21 и 22 с более поздними срубными домами периода сер. XV – XVIII в. позволяет сделать вывод, что они имеют ряд кардинальных различий. Во-первых, размеры построек XIII–XIV вв. в два раза больше «остяцких», зафиксированных на территории городка периода сер. XV – XVIII в. Во-вторых, они разнятся строительными материалами и конструктивными решениями: использование более массивных бревен в срубе и мха в качестве утеплителя для прокладки между бревнами, впервые устройство глинобитного пола, сооружение подовой печи-каменки, устройство фундамента в виде «стульев», завалинки по периметру сруба, в случае устройства дощатого пола – укладка досок по лагам. В-третьих, отличия зафиксированы во внутренней планировочной организации жилища – расположение печи-каменки в северном углу, справа от входа.

В итоге анализа выявленных особенностей архитектуры построек № 19, 21, 22 и грунтового погреба можно заключить, что композиция плана оборонительно-жилого комплекса и в особенности архитектура построек находит ближайшие аналогии в русском и славяно-финском деревянном зодчестве.

Начиная с 40-х годов XV века в конце Новгородского периода начинает формироваться новая планировочная структура Надымского городка, которая завершается уже к концу века. К переходному этапу формирования планировочной структуры Надымского городка (40–60-е годы XV века) относятся и постройки № 13.4, 21. В данный период мы наблюдаем наметившуюся тенденцию к уменьшению размеров построек и изменению композиции плана городка. Вместо четырех крупных срубных построек начального этапа постепенно появляются постройки меньших размеров, сформированные в два ряда вдоль центральной продольной оси, направление которой остается неизменным – запад-северо-запад – восток-юго-восток. Постройка 21 является наиболее ярким примером переходного этапа. Ее размеры отличаются от размеров ранних сооружений (постройки 19, 22) и от синхронной ей постройки 13.4. И ее положение в пространстве оборонительно-жилого комплекса также выделяется, так как не вписывается в композицию планов ни Новгородского периода (XIII–XIV вв.), ни Московского периода (начиная с XV в.). Впоследствии на основании композиции плана, заложенного в середине XV века, формировалась планировочная структура городка всех последующих этапов функционирования вплоть до XVIII века.

Использование срубной техники «в обло» с остатком, наличие лаг для деревянного настила пола, размеры постройки позволяют проследить некую преемственность архитектуры построек, но в то же время по композиции плана выделить новый хронологический этап строительства с иной планировочной структурой. На начальном этапе функционирования план оборонительно-жилого комплекса реконструируется как прямоугольный с четырьмя жилыми постройками и с одной хозяйственной, окруженными по периметру наружной заплотной стеной.

Вероятно, городок возводился не единовременно, а развивался и достраивался в течение нескольких десятилетий, начиная с первой половины XIII века. В таком виде городок просуществовал около двух столетий, до 40-х годов XV века.

В середине XV века начинается постепенное изменение архитектуры строений городка и формирование иного решения планировочной структуры оборонительно-жилого комплекса, которое с изменениями просуществовавшего вплоть до первой трети XVIII века.

Это лишь первые данные по исследованию славяно-русской архитектуры новгородского периода (XIII–XIV вв.) на территории Севера Западной Сибири, полученные нами в результате работ 2016 года. Тем не менее анализ этих данных позволяет пересмотреть дату основания городка и переосмыслить появление и распространение на этой территории домостроительных традиций Северо-Восточной Европы, а следовательно, и хронологию и территорию освоения Западной Сибири в целом.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется ряд археологических фактов, позволяющих задуматься о причинах, способах и времени появлении домостроительных традиций Северо-Восточной Европы в архитектуре Надымского городка в период сер. XV – нач. XVI в. Создавались ли эти строения только русскими или славяно-финскими зодчими или стали следствием адаптации домостроительных традиций аборигенным или этнически многокомпонентным населением? Пока этот вопрос остается открытым.

Безусловно, комплекс жилых построек XIII – сер. XV века пока изучен не полностью. Однако полученные данные весьма значимы, поскольку демонстрируют динамические изменения не просто и не только архитектуры собственно Надымского городка. Новые материалы свидетельствуют о появлении абсолютно новых архитектурных традиций домостроения в регионе – на территории Нижней Оби. В этой связи мы считаем, что для Надымского городка этап XIII – сер. XV века правомерно выделить в отдельный хронологический этап. По мнению некоторых исследователей, бассейн реки Надым, включая место расположения Надымского городка, входил в состав территории Югры [Лерберг, 1819. – С. I. 4]. А как известно, Югра как минимум с сер. XIII века (1265 года) по 1470 год входит в число волостей Новгородской Республики. Об этом говорится в известных Договорных грамотах Новгорода Великого с Великими Князьями Тверскими [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. А значит, имеются полные основания назвать наиболее ранний период функционирования Надымского городка – «Новгородским», замыкающимся в соответствующие хронологические рамки: XIII – сер. XV века. Что же касается верхней даты, связанной с причинами и временем завершения «Новгородского» периода, то нами они подробно освещались выше по тексту.

Описание археозоологической коллекции из постройки № 22

Постройка № 22 была зафиксирована на участке Ж-Н/54-60. Над ней был расположен насыщенный костями культурный слой городка, который можно соотнести с конструкциями построек 13.4, 13А и 17А, функционировавших в XIV–XV веках. Постройка 22 отличалась от всех построек ОЖК периода XV–XVIII вв. не только большими размерами, но и наличием внутри сруба глинобитного пола слоем 3–5 см по всему периметру постройки. Культурный слой, расположенный непосредственно над глиняным полом, состоял из щепы с включением чешуи рыб, а также небольшим количеством костей птиц и млекопитающих, расположенных в основном вдоль стен и по углам постройки. Собственно, к заполнению постройки 22 относится и большое скопление костей животных (1249 экз.), которое было обнаружено у северо-западной стены постройки на участке К-М/54-55. В скоплении содержались главным образом фрагменты трубчатых костей северного оленя, головы куропаток, кости пушных животных и рыбы (табл. 1). В составе скопления был найден обработанный фрагмент бивня мамонта. Поскольку скопление было довольно четко локализовано и ограничено с одной стороны окладным венцом северо-западной стены постройки, а с другой бревном, которое вероятно выпало из стены при перестройке, можно предположить, что кости из скопления лежали (хранились?) на крыше постройки, на поверхности дернового гнета берестяной кровли. При реконструкции постройки все они оказались во внутренней части, около северо-западной стены.

На остальной территории постройки костных остатков найдено немного. Небольшое скопление, содержащее кости ног оленя, черепа и кости не менее чем от двух соболей, двух песцов и двух зайцев (всего 73 экз.) было найдено у южной стены постройки на участке И-Л/59-60, в западном углу постройки лежали черепа зайца и песка. К западу от постройки, у основания опорного столба наружной стены городка, был найден череп лося (*Alces alces*).

На всех участках постройки № 22 преобладали кости северного оленя (*Rangifer tarandus*), зайца-беляка (*Lepus timidus*), песка (*Vulpes lagopus*), соболя (*Martes zibellina*), горностая (*Mustela erminea*) и куропаток (белой куропатки – *Lagopus lagopus* и тундряной куропатки – *Lagopus mutus*). Кроме того,

были найдены единичные кости нерпы (*Phoca hispida*), бобра (*Castor fiber*), лисицы (*Vulpes vulpes*), росомахи (*Gulo gulo*) и собаки (*Canis familiaris*).

Подробнее остановимся на описании костных остатков из скопления, найденного в постройке № 22. Среди костей северного оленя, найденных в скоплении, присутствуют элементы всех частей тела не менее чем от 4 туш, но преобладают остатки трубчатых костей верхних частей ног (преимущественно плечевых и бедренных) и лопатки (79 %), т. е. наиболее мясные части тела. Кости головы представлены двумя изолированными зубами и фрагментом изделия из рога. Кости нижних частей ног немногочисленны (13 %), а осевого скелета единичны (5 %). Трубчатые кости довольно сильно раздроблены, не менее чем на 7–8 фрагментов каждая (нижний конец одной из бедренных костей был разбит на 10 фрагментов), целыми сохранились лишь единичные мелкие кости стопы. Большая часть костей северного оленя принадлежит вполне взрослым животным, наиболее молодому оленю было не менее 2,5–3 лет. Три кости имеют следы обработки.

Кости куропаток наиболее многочисленны во все периоды функционирования городка. Скопление из постройки 22 содержит преимущественно кости головы куропаток не менее чем от 262 особей. Они составляют 83 % от всех костей куропатки из этого скопления, в то время как во всех других горизонтах их количество не превышает 2 % от общего количества костей этого вида [Визгалов и др., 2013. – С. 289–290]. Кости других птиц единичны.

Кроме того, в скоплении содержались кости пушных животных. Два черепа и отдельные кости тела не менее чем от двух особей соболя. Кости не менее чем от шести голов песца, а также задние лапы и фрагменты от трех тушек песца. Фрагмент черепа и нижняя челюсть лисицы. Кости зайца (шесть черепов и нижних челюстей и проксимальные части конечностей не менее чем от двух особей, а также кости двух передних лапок); позвонки и кости передней лапы молодой нерпы. Скопление содержало 41 кость горностая, в том числе 4 черепа, две нижние челюсти, и фрагменты не менее чем от двух скелетов животных этого вида. Была найдена таранная кость бобра, лопатка росомахи, а также два ребра и локтевая кость собаки. Из нижней челюсти песца и челюсти горностая были изготовлены подвески-талисманы.

Культурный слой скопления был насыщен чешуей и костями рыб (табл. 1). Среди определимых преобладают кости рыб из семейства лососевых – сиговые (*Coregonus* sp.) и нельма (*Stenodus leucichthys nelma*) – 73 %, меньше найдено костей щуки (*Esox lucius*) – 32 %, встречаются единичные кости налима (*Lota lota*) и сибирского осетра (*Acipenser baeri*). Восстановленный размер (без хвостового плавника) осетра – 110–120 см, нельмы и щуки – 70–90 см. Среди неопределимых остатков рыб преобладали фрагменты ребер и лучей от плавников рыб (преимущественно представителей рода сиговых). Из позвонка нельмы была изготовлена подвеска.

Судя по составу костных остатков, жители постройки использовали все виды промысловых животных, которые обитали в окрестностях городка (табл. 1). Судя по видовому составу костных остатков, промысел животных проводился главным образом в холодное время года, ориентировочно с осени до середины весны. Охота была основой хозяйственной системы населения городка в XIV–XV веках и имела два направления – пищевое и пушное. Несомненно, что главными продуктами питания жителей постройки № 22 были мясо северного оленя и рыба. Сейчас не ясно, охотились ли они на оленей сами и где разделывали туши, но можно предположить, что они получали только наиболее мясные части тел добытых животных.

Рыба являлась важным дополнением рациона жителей постройки. Судя по тому, что в культурном слое помимо костей сохранилось довольно большое количество чешуи и остатков от плавников, которые выбрасываются при разделке рыбы, можно говорить о том, что его жители сами занимались рыболовством и обработкой рыбы. Косвенным доказательством этому может служить и находка костей от конечности молодой нерпы. Нерпы в поисках рыбы заходят из Обской губы в устье р. Надым, и детеныши попадают в сети или ловушки для рыбы.

Пищевой охотой можно назвать и охоту на зайца и куропатку. Но роль этих видов в питании жителей оценить трудно, потому что относительное количество костей зайца в постройке заметно меньше, чем в среднем на территории оборонительно-жилого комплекса во все изученные периоды (табл. 1).

А кости куропаток представлены почти исключительно головами, которые, как и головы и лапки зайцев, сохранялись для удачного промысла.

Пушная охота позволяла получить продукт для торговли. На городке добывали все виды пушных животных, обитавших в его окрестностях (табл. 1), но самыми массовыми видами были песец, соболь и горностай. Судя по тому, что часть добытых животных целиком доставляли на поселение и на территории постройки проводилась их разделка и утилизация, жители постройки принимали в ней непосредственное участие. Соотношение видового состава животных из постройки 22 сходно с таковым в культурном слое оборонительно-жилого комплекса периода XIV–XV веков, а также в более поздние периоды (табл. 1). Однако есть и отличия. В постройке 22 содержится довольно много костей северного оленя и рыбы, что отличает эту постройку от других жилых построек городка. Как в постройке, так и в синхронном слое полностью отсутствуют кости свиньи, хотя они в небольшом количестве присутствуют во всех более поздних горизонтах, и наиболее часто они встречаются в слоях конца XV–XVI веков [Визгалов и др., 2013. – С. 283].

Наиболее существенным отличием можно считать большое количество голов куропаток в скоплении, связанном со слоем постройки. Если ранее мы фиксировали большое количество костей голов промысловых млекопитающих (зайца, песца, соболя и др.), которые хранились жителями в качестве приклада для удачной охоты [Иванько, Лобанова, 2003. – С. 70–71], то впервые на территории Надымского городка мы столкнулись с тем, что целенаправленно собирались и хранились головы птиц. При очень большом количестве костей куропаток на памятнике во все периоды его существования – голов всегда сохранялось очень мало. Подобные скопления птичьих голов были отмечены нами только при раскопках русского города Мангазеи.

Еще одной особенностью можно считать скопление костей горностая. Кости этого вида обычно малочисленны по сравнению с костями других пушных животных (песца и соболя). Важность этого вида для пушного промысла жителей постройки подтверждает и находка подвески-талисмана, изготовленной из нижней челюсти горностая.

Кости лося встречаются на городке крайне редко, и находку черепа в непосредственной близости от постройки можно соотнести с ритуальными действиями ее жителей.

Таблица 2

**Соотношение видового состава костных остатков из раскопок Надымского городка
в разные хронологические периоды**

Виды и группы	Постройка 22		Оборонительно-жилой комплекс			
	XIV в.		XIV–XV в.	XV в.	XVI в.	XVII в.
	экз.	%	%	%	%	%
Северный олень	164	12,2	11,1	7,2	8,7	10,7
Заяц	106	7,9	12,6	19,0	22,0	29,0
Песец	104	7,8	19,1	19,6	17,0	13,2
Соболь	34	2,5	8,2	7,7	2,1	2,1
Горностай	41	3,1	1,2	0,1	0,3	0,3
Лисица	2	0,1	0,6	0,5	0,7	0,6
Росомаха	1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,4
Белка	1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,3
Бобр	1	0,1	0,6	0,3	0,7	0,3
Волк	1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,2
Нерпа	5	0,4	0,2	0,2	0,1	0,2
Лось	-	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Свинья	-	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Собака	4	0,3	1,0	0,8	0,8	0,7
Млекопитающие*	15	1,1	0,8	1,3	2,8	9,7
Птица (вся)	725	54	38,5	36,8	37,5	26,9
Рыба (вся)	137	10,2	5,9	6,2	6,9	5,4
Всего (экз.)	1340	100	3787	7098	41874	66326

* – ближе (конкретно?) не определимые

Анализ вещевого комплекса

Вещевой комплекс, полученный в результате исследования Надымского городка в 2016 году, на сегодняшний день является единственным источником по периоду XIII – сер. XV века.

В общей сложности в результате работ 2016 года было найдено около 1658 предметов. Из них вещей, изготовленных из дерева, – 793 экз., бересты – 153 экз., из металла – 347 экз., кости – 266 экз., кожи и ткани – 21 экз., камня – 51 экз., стекла – 11 экз., травы – 7 экз., глины – 6 экз. В коллекции представлены функциональные группы предметов вещевого комплекса, такие как украшения, детали костюма и обуви, принадлежности охоты и рыболовства, предметы быта, средства передвижения и ритуальные предметы. На этом основании мы можем рассматривать хоть и небольшой, но полноценный комплекс предметов. Хотелось бы отметить, что эта выборка по сравнению с другими периодами не очень большая, но она содержит достаточное количество категорий вещей, охватывающих практически все стороны жизни проживавшего там населения, и подходит для проведения сравнительного анализа.

Большинство категорий предметов из числа обнаруженных не имеют типологических отличий, либо они весьма незначительны при сравнении с предметами вещевых комплексов последующих хронологических периодов функционирования Надымского городка. Таким образом, в коллекции раскопок имеются типологически близкие серии предметов, которые составляют хронологически преемственные группы и могут свидетельствовать о некоей этнокультурной преемственности в изготовлении.

Однако в коллекции XIV – сер. XV века имеется ряд предметов, которые отсутствуют в вещевых комплексах поздних периодов функционирования Надымского городка или имеют значительные отличия. На этом основании мы разделили вещевой комплекс на две условные группы, что, на наш взгляд, позволит сконцентрировать внимание на особенностях и отличиях предметов новых типов и форм.

Первая группа. Одной из особенностей данных типов изделий является то, что они не могли быть получены в результате торгово-меновых операций, а изготавливались непосредственно жителями на территории населенного пункта. То есть являются прямым отражением культурных традиций населения Надымского городка. В настоящей статье мы лишь упомянем ряд таких предметов, чтобы насытить описание архитектуры новгородского периода дополнительным контекстом – расширить среду восприятия. На данном этапе осмысления результатов последних исследований представляется целесообразным первоначально разобрать детально каждую группу источников по отдельности (архитектура, вещевой комплекс и т. д.), и лишь впоследствии давать комплексный анализ. Кроме того, полноценное описание и сравнительный анализ предполагает большой текстовый и иллюстративный объем, что может препятствовать восприятию фактов. Также нам хотелось бы обратить особое внимание на данную группу предметов XIV – сер. XV века и вещевого комплекса в целом, что, на наш взгляд, продуктивно предпринять в отдельном исследовании. В этой связи мы написали отдельную статью, которую разместили вслед за настоящей, и сделали ссылки на иллюстративный ряд следующей работы.

Мотыги – 3 экз. (см. следующую статью, рис. 1 – 1–3). В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее XV в. данный тип орудий отсутствует [Кардаш, 2013а]. В коллекциях городища Бухта Находка XIII – начала XIV в. и Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. данный тип орудий отсутствует [Кардаш, 2011, 2013б].

Ближайшие аналогии этим орудиям есть в материалах раскопок Новгорода Великого [Колчин, 1968. – С. 17, рис. 6 – 1, 2]. Таким образом, сравнивая мотыгу начала XI в. из слоя средневекового Новгорода с найденными в Надымском городке, можно утверждать, что одна из них по форме изделия абсолютно идентична, другие аналогичны, а размеры приближены к новгородским.

Корыта с прорезными ручками – 15 экз. (см. следующую статью, рис. 2, 3 – 1–4). Несомненно, деревянные цельнодолбленные корыта различных форм использовались населением на протяжении всего периода функционирования городка, однако пятиугольные с двумя прорезными ручками позднее XV в. не встречаются [Кардаш, 2013а]. В коллекциях городища Бухта Находка XIII – начала XIV в. и Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. корыта подобной формы отсутствуют [Кардаш, 2011, 2013б]. И позднее в этнографических сведениях о материальной культуре аборигенного населения Северо-Западной Сибири XIX–XX вв. корыта подобной формы отсутствуют [Соколова, 2007. – С. 261; рис. 481].

Единственная, найденная нами на сегодняшний день аналогия присутствует в вещевом комплексе Х–XI вв. Новгорода Великого [Колчин, 1968. – С. 48; рис. 39]. В публикации присутствует изделие, у которого рукоять морфологически идентична найденным в Надымском городке. По морфологическим признакам и метрическим показателям можно сделать вывод об однотипности используемых корыт в Новгороде Великом и Надымском городке.

Стул – табурет¹⁶ – 1 экз. (см. следующую статью, рис. 4 – 7). В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее сер XV в. данная категория предметов отсутствует. В коллекциях городища Бухта Находка XIII – начала XIV в. и Полуийского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2011, 20136].

В Новгороде Великом, по данным Б. А. Колчина, стулья существовали, но они значительно отличались по конструктивным особенностям. Табуреты, аналогичные надымскому, имеются в русских и европейских музейных коллекциях и используются до настоящего времени в быту. Например, стул XIX века (см. следующую статью, рис. 6 – 3) в экспозиции РЭМ, посвященной культуре населения Архангельской области (г. Санкт-Петербург). Близкий по форме стул (см. следующую статью, рис. 7 – 2) имеется в экспозиции этнографического музея под открытым небом Балленберг (г. Бриенц, Швейцария). До настоящего времени подобные стулья бытуют в населенных пунктах Родопских гор Болгарии (см. следующую статью, рис. 7 – 1). Судя по всему, стулья данного типа являлись характерным элементом мебели жителей Восточной Европы, что позволяет определить принадлежность данного вида мебели как европейскую.

Изделия второй группы, имеющие широкую культурную принадлежность, также представлены несколькими группами. К предметам второй группы были отнесены те типы изделий, которые имеют широкий диапазон бытования и распространения, т. е. могли быть получены в результате торгово-меновых операций. Это различные украшения, фрагменты ткани и кожи, детали лука и снаряжение лучника, наконечники стрел, инструменты, а также фрагменты стенок медных котлов.

При сравнительном анализе вещевого комплекса хронологически близкого объекта городище Бухта Находка XII–XIV вв., в котором проживало только аборигенное население, можно сделать несколько выводов. Во-первых, предметы второй группы характерны как для одного, так и для другого памятника. Во-вторых, городище Бухта Находка и Надымский городок находятся на незначительном расстоянии, что вряд ли исключает личные связи и торгово-меновые отношения как между жителями этих двух городков, так и с выходцами из Северо-Восточной Европы и земель Новгорода Великого.

Этот перечень отдельных типов предметов можно продолжать дальше. Однако это отнюдь не означает, что все остальные вещи из коллекции XIV – сер. XV в. мы можем с уверенностью отнести к предметам материальной культуры аборигенного населения или некоего пришлого с северо-востока Европы. Несомненно, часть из них имеет восточноевропейское происхождение, если не фактическое, то как минимум формальное, но это предмет более детального и глубокого исследования¹⁷, которое выходит за рамки данной статьи, поскольку требует более широкого сравнительно-типологического анализа нескольких сотен категорий предметов.

Данные документальных источников

Летописные данные об освоении Севера Евразии жителями Великого Новгорода малочисленны и хорошо известны. Мы упомянем лишь те из них, которые связаны с хронологическим периодом, о котором идет речь в настоящей работе.

Включение территорий Европейского Северо-Востока в экономику Новгородской Республики началось в XI веке, и, судя по летописным данным, в 1035 и 1096 гг. состоялись первые посещения

¹⁶ Стул – известная домашняя утварь для одиночного сидения, ослон, сиденье с прислоном, со спинкой; с подлокотниками, кресло, кресла; без прислона, скамейка и табурет, а в народе также стул [Даль, 2012]. В малом академическом словаре дано следующее определение стула: «род мебели, обычно со спинкой, предназначенной для сидения одного человека». Табурет (фр. tabouret) – род скамейки с квадратным или круглым сиденьем без спинки, употребляется вместо стула [Ушаков, 2012]. В современной этимологии произошло разделение определений на «стул – это то, что имеет спинку» и «табурет – то, что не имеет спинки», поэтому мы их используем оба.

¹⁷ В настоящее время такой анализ осуществляется в рамках диссертационной работы «Культура аборигенного населения Нижней Оби: Обдорья в XIII – сер. XVIII в.

территории Югры [ПСРЛ, I, 1846. – С. 107]. Впоследствии в состав земель Новгорода Великого вошли две новых волости: это волость Печора на Северо-Востоке Европы и волость Югра на Севере Сибири. Если территориальная локализация волости Печора не вызывает больших сомнений – очевидно, что это бассейн реки Печоры и ее правого притока реки Усы, то расположенная за ней Югра так и не получила обоснованной локализации¹⁸. В целом это местность к востоку от Печоры, возможно, включавшая территорию от северной части Уральских гор на западе и до бассейна реки Таз на востоке; на юг территория Югры вряд ли распространялась многим южнее устья реки Иртыша.

В конце XI в. у новгородцев появляются данные о том, что и за Уральскими горами есть население, заинтересованное в торгово-меновых отношениях. С рубежа XI–XII вв. торгово-промысловое движение новгородцев продолжилось дальше «за Югру и за Самоядь» [ПСРЛ, III, 1843. – С. 5]. Первый поход произошел в 1114 г. [ПСРЛ, II, 1843. – С. 4–5], и это первое документальное упоминание о фактическом промысловом продвижении. То есть с начала XII века можно констатировать начало освоения низовий реки Оби и побережья Обской губы славяно-финским населением новгородских земель. С конца XII века появляются документальные источники, которые можно охарактеризовать как свидетельства включения Новгородом Великим населения Югры в систему даннических отношений. Однако эти сведения в отечественной историографии воспринимаются как неудачные походы данников: 1187 г., 1193–94 гг. [ПСРЛ, III, 1843. – С. 19, 21–22; ПСРЛ, IV, 1841. – С. 17]. Тем не менее упоминание походов данников, а также берестяная грамота № 724, датируемая В. Л. Яниным зимой 1166/1167 гг., в которой указана такая категория, как сборщики дани, которых можно назвать ясачные сборщики, говорят об установившихся связях. Комментируя эту грамоту, Янин сопоставил ее с летописными событиями 1193 года. Она однозначно свидетельствует о вине Савы, от которого отложилось податное население ввиду превышения полномочий данником. Отсутствие в составе дани соболя и наличие экологического индикатора – песка позволяет локализовать сферу ее действия севернее Полярного круга, а широтная локализация в этой связи указывает на территорию от устья Сев. Двины до Обской губы. Данные документальные источники указывают на то, что в составе военных отрядов новгородцев были ясачные сборщики, которые как минимум сезонно находились на территории нижней Оби с целью сбора дани в виде пушнины, что вряд ли было возможно без установившихся контактов с местным населением. Таким образом, мы можем говорить, что с конца XII века новгородские сборщики дани проживали на территории Югры, т. е. существовали некие населенные пункты. В этой связи примечательным является тот факт, что данные дендрохронологического изучения нижних слоев Надымского городка говорят о его строительстве на рубеже XII–XIII веков. Говоря о ясачных сборщиках, следует упомянуть, что сбор ясака с аборигенов как европейского, так и сибирского Севера даже в XVI веке был большой проблемой, и власти Московского царства предпочитали мирные решения данной задачи [Штаден, 1925. – С. 117–118]¹⁹. В любом случае, судя по документальным источникам, продвижение на северо-восток закончилось успешно, поскольку и Печора и Югра к середине XIII века уже числятся в числе волостей Великого Новгорода и упоминаются в известных Договорных грамотах Новгорода с Великими Князьями Тверскими (грамоты 1265, 1270 1305, 1307, 1327, 1470 гг.) [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. На этом основании мы можем считать название периода XIII – сер. XV века применительно к Надымскому городку «новгородским» обоснованным.

Рассматривая походы 1323, 1329, 1364 гг. [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 49, 51, 64–65], мы можем констатировать продвижение новгородцев в глубь Севера и успешные торгово-промысловые отношения, что подтверждает наличие договорных грамот между Новгородом с Великими Князьями Тверскими,

¹⁸ В данной статье мы не будем развивать дискуссию о территориальных границах Югры. Но хотелось бы заметить, что путаница в местонахождении связана с западноевропейскими картографическими источниками. Так, территория Югры, по разным данным, находилась до Уральских гор, в Пермском крае, в районе Мезени [Гессель Геретис, 1614; Ян Блау, XVII век; Атлас Ортелиуса, XVI век]. Мы считаем, что все эти неточности были продиктованы ошибочными сведениями, поскольку сами картографы эту местность не посещали. Только начиная с XVII в. локализация Югры в среднем течении р. Оби становится верной.

¹⁹ В летописях конкретно не указывается, с кого собиралась дань и кто напал в Печоре на данников. По многочисленным источникам хорошо известен опыт Московского царства по сбору ясака с аборигенного населения Севера Европы и Сибири в XVI–XVIII вв. В этой связи представляется вероятным, что в летописях речь могла идти о сборе дани не только и не столько с коренного населения, а прежде всего с обосновавшихся там промышленников и торговцев, выходцах из новгородских или иных земель. Именно они и могли организовать относительно успешное противодействие.

которые разграничивали сферы влияния. Таким образом, Новгород весьма успешно использовал эту территорию, и XIV век стал апогеем новгородского владения Югрой, одним из свидетельств которого является строительство каменной церкви Святой Троицы в 1365 году [ПСРЛ, IV, 1848. – С. 65], но уже к середине XV века Новгород утрачивает свое влияние, и над Югрой начинает устанавливаться господство Московское царство. Так, Московский царь Иван III в 1484 году принял титул Князя Югорского после похода воевод Курбского и Салтыка Травина в 1483 году [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Соответственно, с этого периода Новгород Великий прекращает свое владение и управление землями Югры.

Возвращаясь к рассматриваемому периоду начала освоения территории Югры выходцами земель Новгорода Великого, мы считаем, что нашли свидетельства этих успехов, выразившиеся в наличии населенных пунктов, основанных славяно-финским населением земель Новгорода Великого.

Заключение

В контексте нашего изучения архитектуры Надымского городка периода конца XII²⁰ – середины XV в. стало очевидным, что приведенные выше данные убедительно обосновывают вероятность создания новгородскими первопроходцами отдельных крепостей или форпостов в связи с несколькими неудачными походами 1187, 1193–1194 гг. Такие населенные пункты, помимо оборонительных функций, явно могли играть роль торгово-промысловых факторий.

Таким образом, обнаруженные особенности архитектуры Надымского городка на современном этапе изучения горизонта XIII–XV вв. характеризуются как славяно-русские. Появление таких традиций логично связывать с периодом освоения Севера Сибири населением Северо-Восточной Европы, и в первую очередь Новгорода Великого. В настоящее время о новгородском продвижении по европейскому и сибирскому Северу мы можем говорить не только на основе немногочисленных документальных источников, но и археологических, и ставить проблемы дальнейшего его изучения. Уже сейчас мы вполне правомерно можем выделить ранние этапы освоения Северо-Западной Сибири. А его первый этап хронологически определить в рамках XIII–XIV вв. и назвать «новгородским» этапом освоения Нижней Оби.

Вещевой комплекс данного периода неоднороден. Он содержит массу предметов импортного производства, значительную часть которых мы, не бесспорно, но тем не менее связываем в первую очередь со славяно-русским происхождением, а также большое число вещей: бытовых, ритуальных и прочих, имеющих довольно много традиционных черт, в том числе и относительно древних. Это проблема, в которой еще предстоит разобраться, но специально, в рамках отдельного анализа вещевого комплекса, а не в рамках историко-архитектурного экскурса.

Новые данные по архитектуре и вещевому комплексу, позволяющие дать иную оценку культурной и этнической принадлежности основателей городка, требуют более тщательного анализа и системы доказательств. Отметим в этой связи, что полноценные материалы, позволяющие определить год или хотя бы узкий временной период основания городка по дендрохронологическому методу, были получены только в результате исследований 2016 года [Кардаш, 2017].

В числе проблем и направлений дальнейшего изучения правомерно будет отметить необходимость возобновления дискуссии о географической локализации Югры как административно-территориальной волости. Одним из важнейших вопросов является взаимоотношение с аборигенным населением. Это связано с тем, что по документальным источникам отношения фиксируются как даннические и грабительские, а по археологическим источникам скорее наоборот – как активные торгово-меновые [Кардаш, 2011б. – С. 38–41]. В этой связи одной из задач видится определение, хотя бы предположительное, этнического состава жителей Надымского городка периода XIII–XV вв. Судя по вещевому комплексу, очевидно, что население было неоднородным, аборигены, без сомнения, присутствовали и проживали в городке. В целом проблема дифференциации жителей на основании характерных черт и облика предметов вещевого комплекса остается крайне сложной. Ее решение упирается в вопрос, насколько хорошо нам известна материальная культура и вещевой комплекс бытовых деревянных

²⁰ В первые годы изучения Надымского городка на склоне берега из обнаженных деревянных конструкций нижней части культурного слоя была сделана серия спилов, датированных концом XII века.

изделий славяно-финского или славяно-русского населения европейского Северо-Востока периода XIII–XV веков. Причем подчеркнем – провинциального населения, которое непосредственно занималось промыслами и обеспечивало города их продуктами. Вопрос явно сложный, на который пока нет однозначного ответа. В этой же связи возникает вторая проблема, а именно – что в материальной культуре коренных жителей Севера действительно издревле им принадлежало и в неизменной форме просуществовало до недавнего прошлого.

Комплекс построек жилого комплекса XIII – сер. XV века изучен, безусловно, не полностью, но полученные о нем данные весьма значимы, поскольку демонстрируют динамические изменения не просто и не только в архитектуре собственно Надымского городка. Новые материалы свидетельствуют о появлении абсолютно новых архитектурных традиций домостроения в регионе – на территории Нижней Оби.

В целом сопоставление архитектуры построек № 19, 21 и 22 с «остяцкими» постройками, зафиксированными на территории городка, позволяет сделать вывод о том, что они кардинально отличаются от всех построек оборонительно-жилого комплекса периода середины XV – XVIII в. своим конструктивным решением, внутренней планировочной организацией и используемыми строительными материалами. Впервые были выявлены срубы размерами более 5 м. Также впервые в основании постройки по углам зафиксированы «стулья» – специальные конструктивные элементы, служащие «фундаментом» сооружения. Впервые обнаружены подовая печь-каменка и глинобитный пол, а также остатки завалинки по периметру постройки.

На территории Надымского городка в полностью исследованном культурном слое периода кон. XV – XVIII в. построек с подобными характеристиками не выявлено. В известных городках синхронного периода на территории севера Западной Сибири срубные постройки ранее вообще не фиксировались. Все перечисленные элементы характерны для жилищ поселений территории Северо-Восточной Европы, начиная с VI–VII до XII–XIII вв.

Таким образом, в 2016 году впервые на данной территории обнаружено специально обустроенное хозяйственное сооружение для хранения продуктов (погреб) с укрепленными вертикальными деревянными конструкциями стенами (доски, плахи), с глиняной обмазкой по периметру сооружения.

Это лишь первые данные, полученные нами в результате работ 2016 года, по архитектуре строений Надымского городка периода конца XIII – сер. XV в. Тем не менее эти факты позволяют начать новое осмысление и анализ основания городка, в частности на более широком территориально-хронологическом фоне, в том числе с привлечением наиболее ранних документальных источников.

На сегодняшний день слои Надымского городка конца XII–XIV вв. не изучены раскопками, а будет ли у нас возможность продолжить это исследование – непредсказуемо. В итоге следует отметить особо значимый результат исследований. Получены археологические данные, позволяющие оценить материалы Надымского городка как важный источник не только для изучения этногенеза аборигенных народов Севера. Новые данные позволяют оценить информационный потенциал памятника как особо ценный и значимый источник по истории Русского государства. Он является ключевым для раскрытия и понимания истории раннего и позднего периодов колонизации Сибири, не имеющих достаточного числа письменных источников.

Список источников и литературы

- Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.
- Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.
- Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. – М.: Гос. изд-ва архитектуры и градостроительства, 1950. – 104 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Изучение объектов архитектурного наследия аборигенного населения Ямало-Ненецкого автономного округа». – Нефтеюганск, 2012. – 275 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск – Екатеринбург, 2013. – 374 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) – Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – 11465 с.
- Древняя Русь: Быт и культура // Археология. – М.: Наука, 1997. – 368 с.
- Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1998. – С. 220–243.
- Ивасько Л. В., Лобанова Т. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры. Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. С. 69–71.
- Кардаш О. В. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16–19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 88–90.
- Кардаш О. В. Надым-вош – городок Обдорского княжества // Лукич. – 1999. – № 3 (7) июнь. – С. 147–156.
- Кардаш О. В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – № 13. – С. 128–131.
- Кардаш О. В. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда (Суздаль 20–25 октября 2008 г.). – М.: Изд-во ИА РАН. 2008. – Том II. – С. 460–463.
- Кардаш О. В. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI – первой трети XVIII вв. – Нефтеюганск – Екатеринбург: Магелан, 2009. – 320 с.
- Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / вых. сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013а. – 360 с., ил.
- Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / вых. сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013б. – 380 с., ил.
- Кардаш О. В. Надымский городок в XV–XVI вв.: по результатам полевых исследований 2006–2008 гг. // Археологические вести (2010–2011). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011а. – № 17 – С. 193–202.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург – Нефтеюганск: Изд-во: АМБ, 2011б. – 60 с.
- Кардаш О. В. Элементы традиционной русской архитектуры в постройках Надымского городка XIV – XVI веков // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2-х томах / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. II. – С. 122–131.
- Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Комплексные археологические исследования объекта археологического наследия «Надымское городище» XIII–XVIII вв. в 2016 году». – Новосибирск, 2017. – 326 с.
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горноknязевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Историко-архитектурные исследования». 3 книги. – Нефтеюганск, 2003.
- Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.
- Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – М.: Наука, 1968. – 184 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55).
- Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М.: Наука, 1971. – 113 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55. Часть II).
- Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М.: Наука, 1982. – С. 174–176.
- Крадин Н. П. «Русское деревянное оборонное зодчество». – М.: Искусство, 1988. – 192 с.
- Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. – Ч. I: Деревянное зодчество. – Петроград: Товарищество Р. Голике и А. Вилборга, Звенигородская 11, 1916. – 406 с.
- Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории Изданы на нем. яз. по определению Импер. С.-Петербург. Акад. наук Ф. Кругом; Пер. Д. Языков. – СПб.: Тип. деп. нар. просвещения, 1819. – II, [1], 397 с.

- Маковецкий И. В. «Памятники народного зодчества Русского Севера». – М.: АН СССР, 1955. – 184 с.
- Милонов Н. П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища // Рязанский Средне-Окский музей. Исследования и материалы. – Рязань: тип. Мосполиграфа, 1931. – Вып. VIII. – 52 с.
- Ополовников А. В. «Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество». – М.: Стройиздат, 1983. – 367 с.
- Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. – М.: Стройиздат, 1989. – 367 с.: ил.
- Плигузов А. И. Текст-кентавр о Сибирских самоедах. – М., 1993. – 156 с.
- Подъяпольский С. С. и др. Реставрация памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1983. – 288 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том первый. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1846. – 294 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том второй. III. Ипатьевская летопись. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1843. – 377 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том третий. IV. Новгородские летописи. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1841. – 308 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том четвертый. IV. V. Новгородская и Псковская летописи. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1848. – 360 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том девятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: В типографии Эдуарда Параца, 1862. – 256 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том двенадцатый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 266 с.
- Полное собрание русских летописей. Том 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Серебина. – Л.: Наука, 1982. – 228 с.
- Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII – XVII вв. / М. Г. Рабинович // Древнее жилище народов Восточной Европы. – С. 104–156. – Москва: Наука, 1974. – 303 с.
- Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI–XII вв. н. э.). / П. А. Раппопорт // Древнее жилище народов Восточной Европы. – С. 156–245. – Москва: Наука, 1974. – 303 с.
- Седов В. В. Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I – начало II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1975. – С. 276–301.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 20. «Накучать – негоразд». – Ленинград: Наука, 1985. – 376 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 39. «Сметушка – сопочить». – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 343 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. – Москва, в типографии Н. С. Всевожского, 1813. – 643 с.
- Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.
- Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
- Федорова Н. В. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 году. – Нефтеюганск – Салехард, 2007. – 110 с.
- Федорова Н. В. Войкарский Городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – Салехард: Красный Север, 2006. – С. 11–17.
- Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.
- Шинаев С. Я. Деревянное зодчество. Толковый словарь терминов и понятий. – М.: Спецпроектреставрация, 1992. – 66 с.
- Штаден Г. «О Москве Ивана Грозного: Записки немецкого опричника» (Записи прошлого: Воспоминания и письма. Под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского). – Л.: М. и С. Сабашниковых, 1925. – 184 с.
- Rhamm K. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slavisches Altertumskunde. Zweiteabteilung: Urzeitliche Bauernhöfe im germanisch-slavisches Waldgebiet – Braunschweig: Kommissions-verlag von Friedrich Völkow, 1908. – 1088 p.

Рис. 1. Обзорная схема расположения Надымского городка в границах Российской Федерации

Рис. 2. Обзорная схема расположения Надымского городка, синхронных оборонительно-жилых комплексов и русских уездных городков в границах Ямало-Ненецкого автономного округа

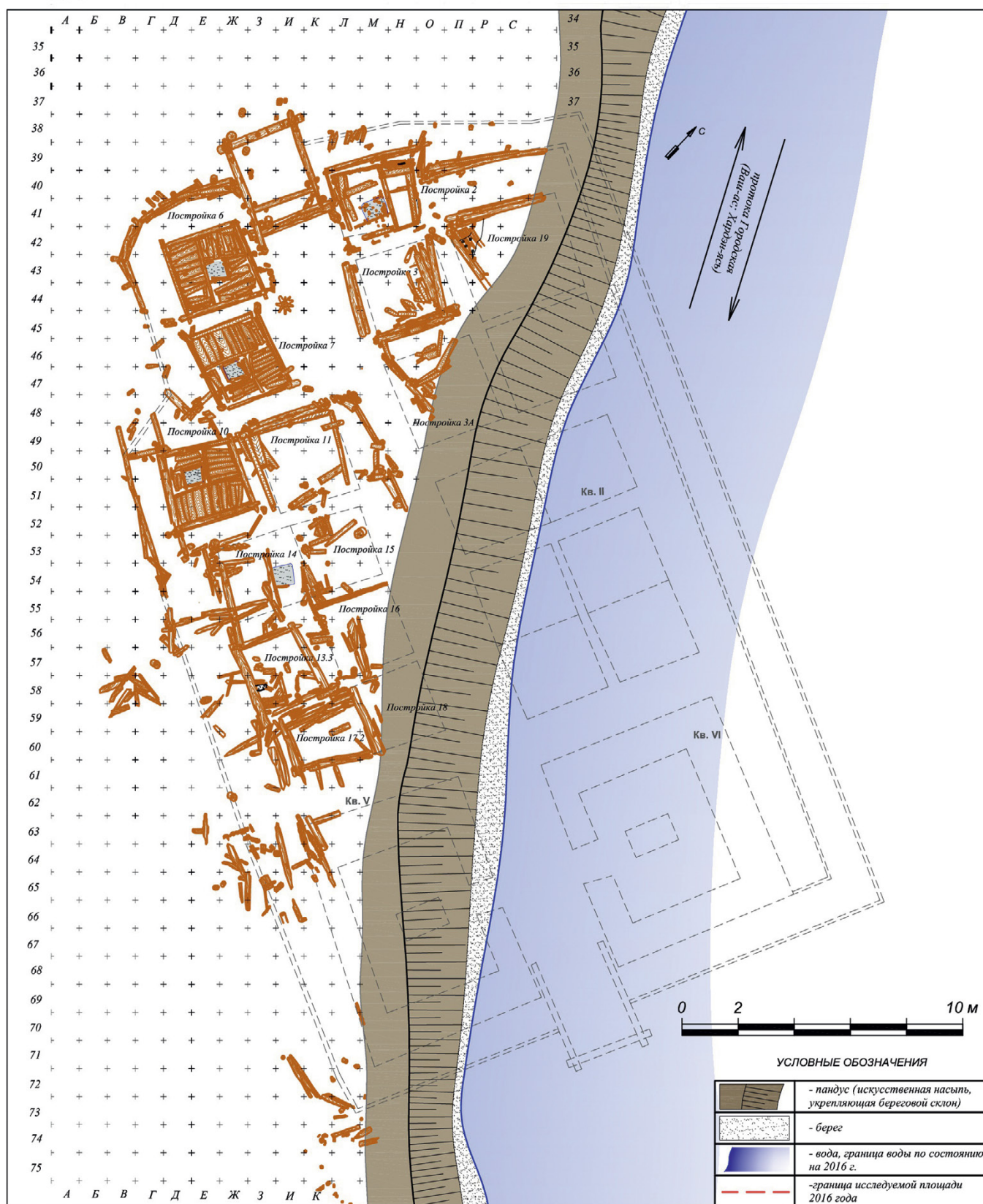

Рис. 3. План Надымского городка периода Московского царства сер. XV – конца XVI века. М 1: 200

Рис. 4. Северо-западный вход в оборонительно- жилой комплекс. Прируб к сооружению оборонительно жилого комплекса, вид с запада

Рис. 5. Фрагмент наружной стены оборонительно- жилого комплекса. Несъемная опалубка, сформированная из горизонтального набора бревен (плах), удерживаемых вертикальными опорами

Рис. 6. Обойма, соединяющая между собой две противоположные стороны опалубки

Рис. 7. Постройки оборонительно-жилого комплекса Надымского городка периода Московского царства сер. XV – конца XVI века

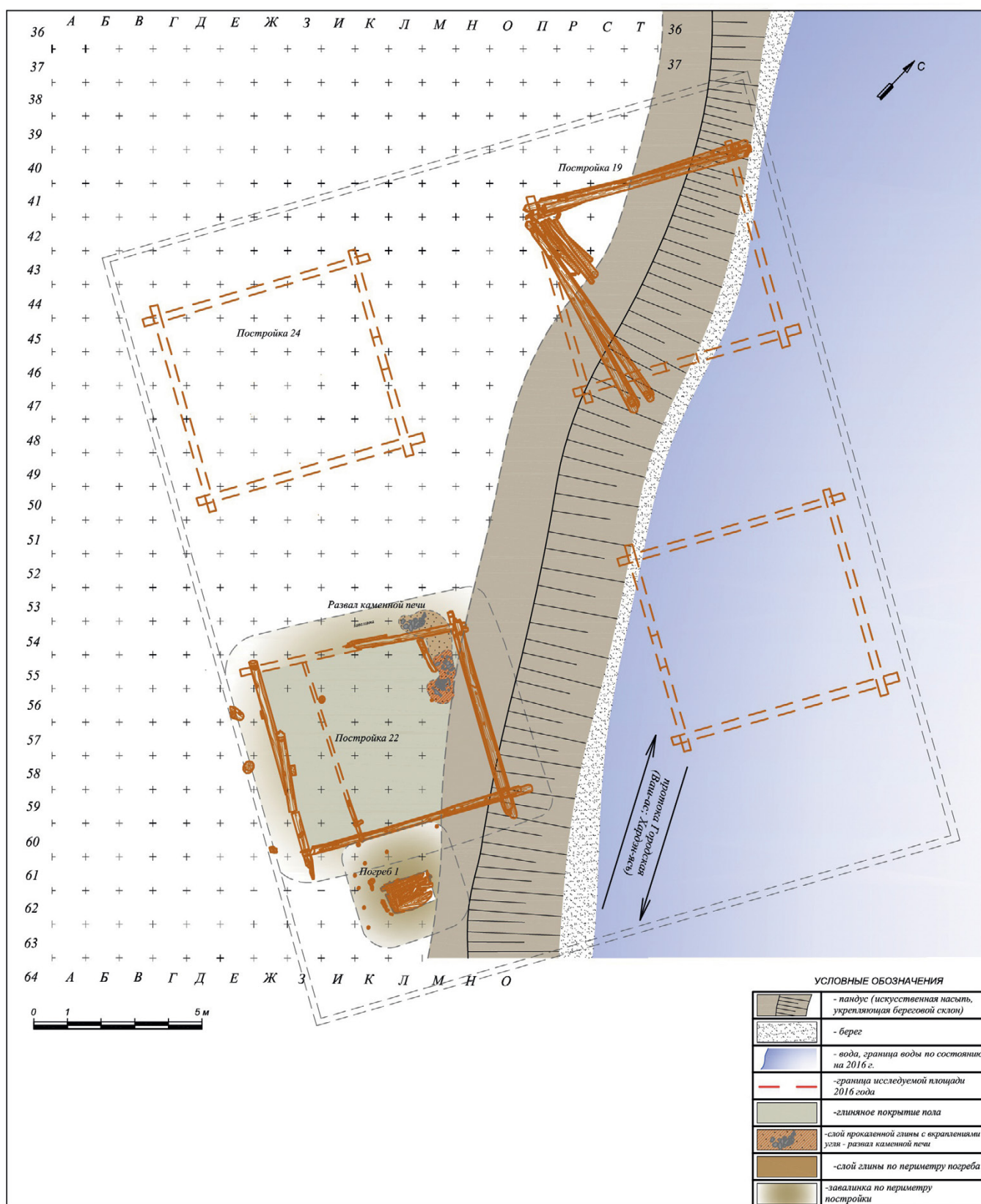

Рис. 8. План Надымского городка Новгородского периода XIII–XIV веков. М 1: 200

Рис. 9. Постройка 19. Западный угол постройки

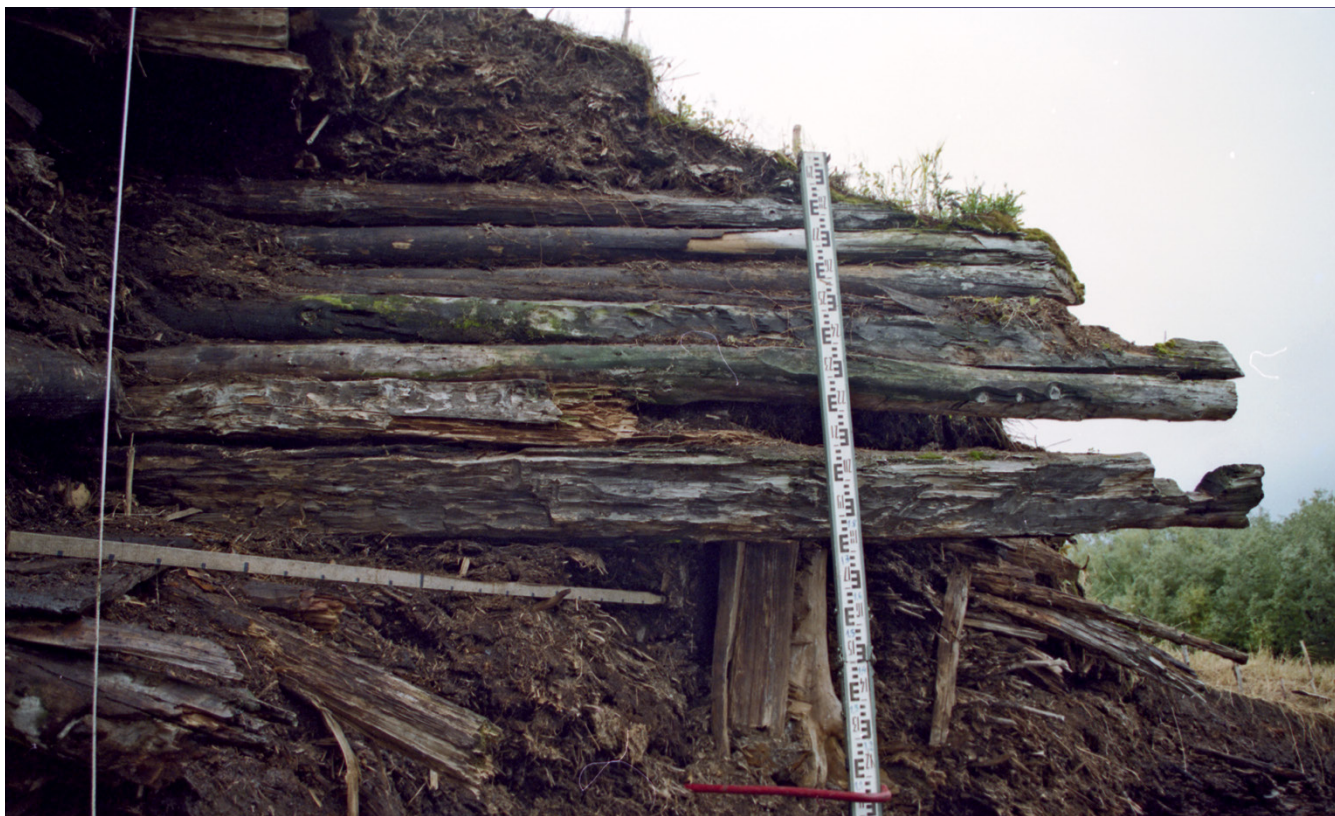

Рис. 10. Постройка 19. Остатки сруба постройки, выполненного в технике «в обло» с остатком. Фото О. В. Кардаша, 1999 г.

Рис. 11. Постройки 19. Вертикальная конструкция в виде сваи из комлевой части ствола дерева – фундамент постройки.

А – общий вид. Б – фрагмент постройки с фундаментом. В – свая, извлеченная из культурного слоя.

Фото О. В. Кардаша, 1998, 2000 гг.

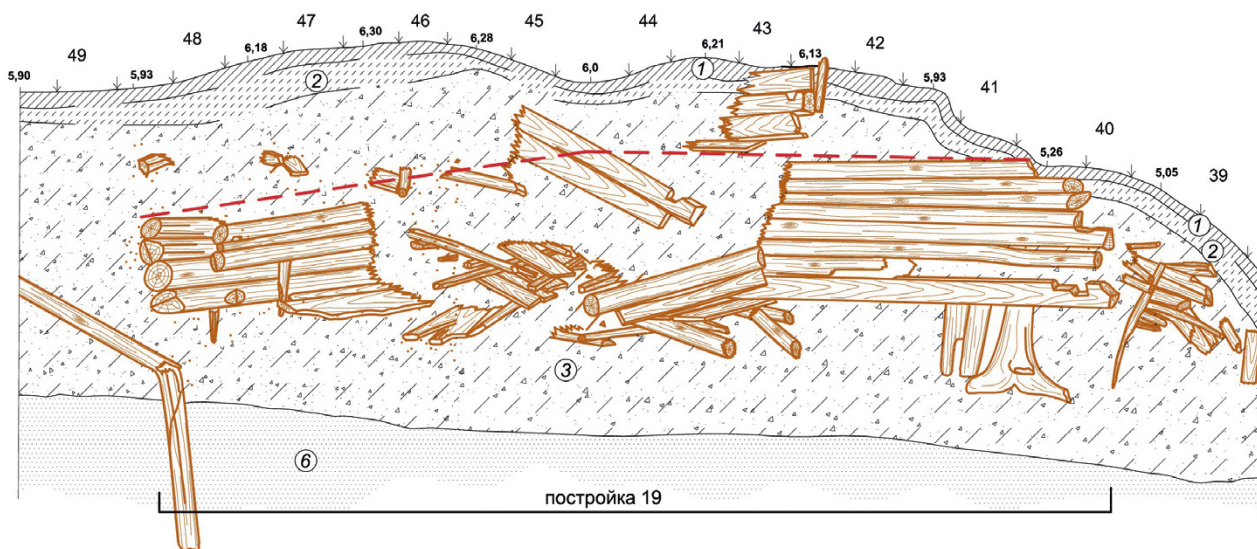

Рис. 12. Постройка 19. Вертикальная конструкция в виде сваи из комлевой части ствола дерева – фундамент постройки. Чертеж

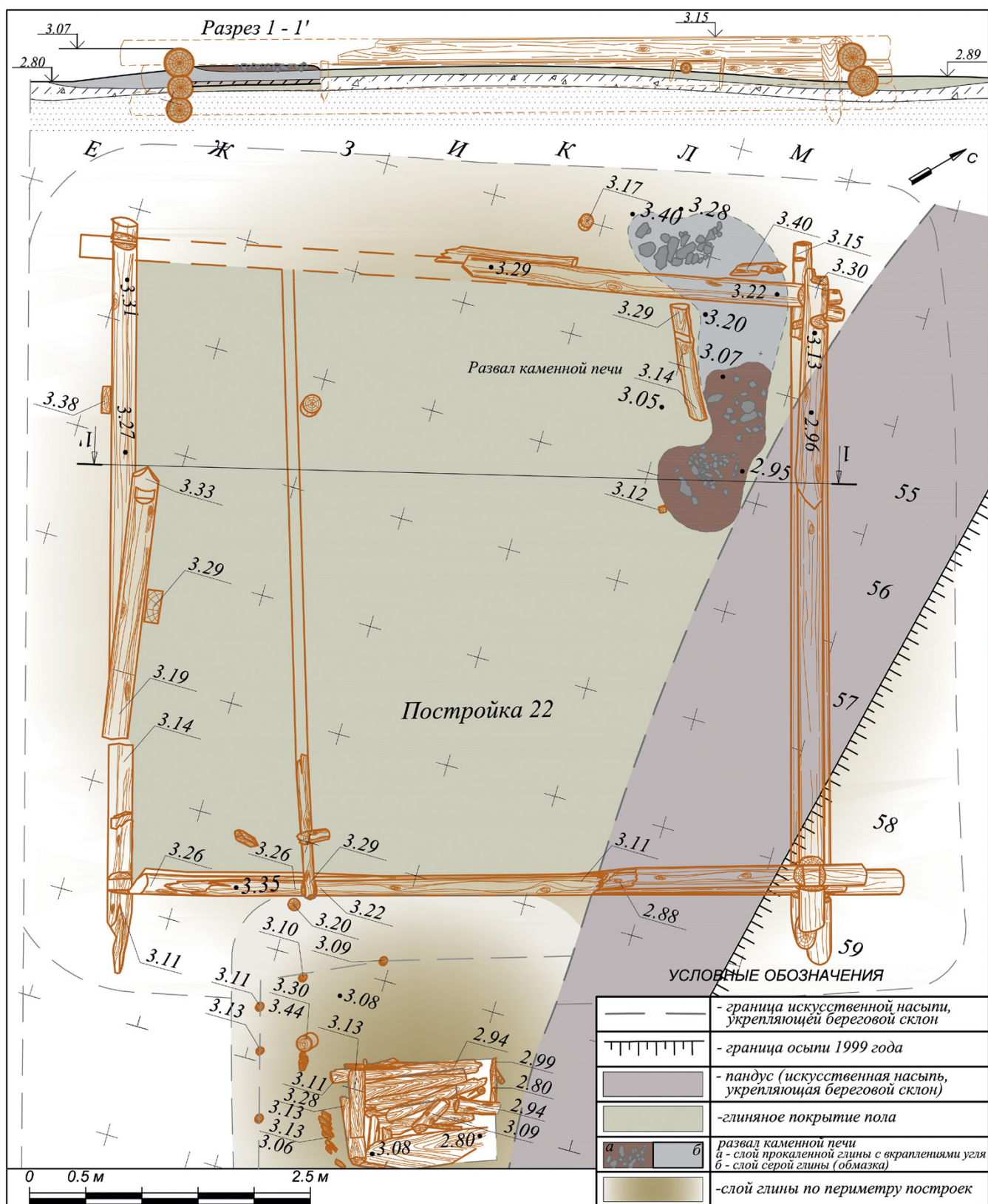

Рис. 13. Разрез и план постройки 22. План погреба. М 1 : 50

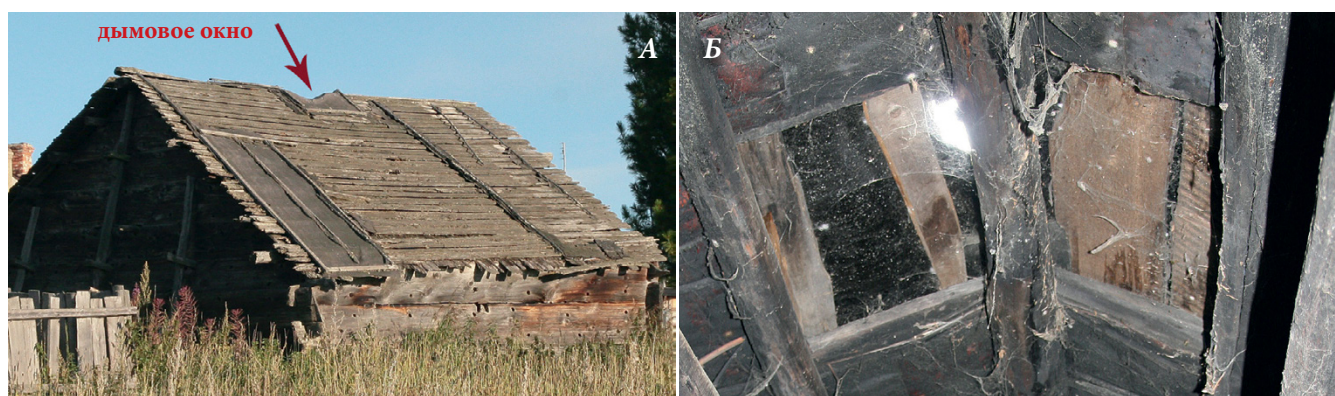

Рис. 14. Священный дом Тырлина в поселке Хошгорт. А) В верхней части кровли небольшое отверстие для дымоудаления (дымовое окно). Б) Вид отверстия для дымоудаления внутри постройки

Рис. 15. Дом Тайшина в поселке Горноknязевск (интерьер). Дымовое окно в кровле. Фото Н. Н. Митиной, 2003 г.

Рис. 16. Доски от щипца построек, обнаруженные в пространстве жилого комплекса

Рис. 17. Постройка 22. Срубная постройка в технике «в обло» с остатком и с нарами у юго-западной стены. А – общий вид. Б – паз, вырубленный в стене постройки для фиксации конца лаги, на которую укладывался настил нар

Рис. 18. Постройка 22. А– Постройка с глинобитным полом с печью-каменкой в северном углу и нарами у юго-западной стены. Б – Паз, вырубленный в стене постройки для фиксации конца лаги, на которую укладывался настил нар

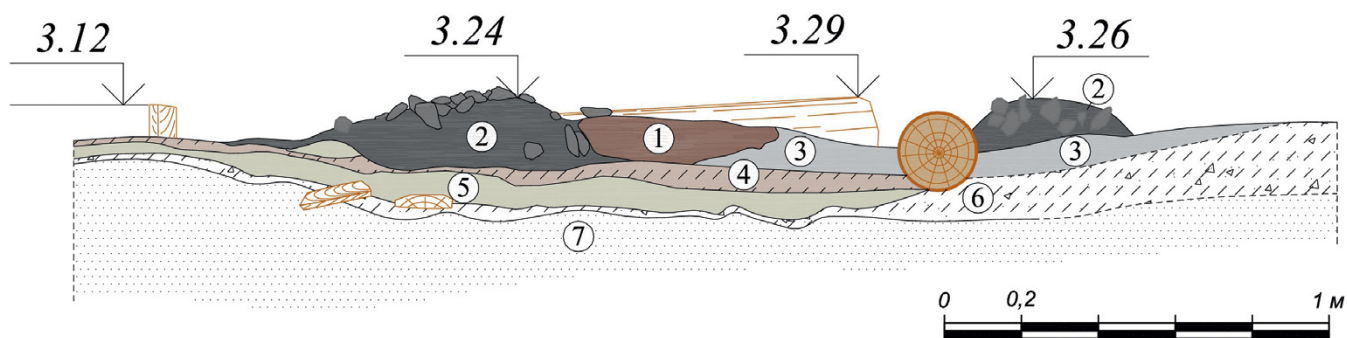
Рис. 19. Постройка 22. Глинобитный пол из чистой материковой глины, уложенный поверх рыхлого культурного слоя (строительного мусора). А – общий вид. Б – фрагмент глинобитного пола постройки. В – фактура слоя глины, уложенного на слой строительного мусора

В

Г

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

①		- серо-оранжевая прокаленная глина (под печи)	⑤		- желто-серая глина (глинобитный пол)
②		- темно-серая глина с вкраплениями угля и камней (стенки и свод печи)	⑥		- слой щепы и органических отложений на древней поверхности - строительный мусор
③		- серая глина (обмазка стен и печи)	⑦		- серая глина с прослойками темно-серых гумусированных паводковых отложений (материк)
④		- слой щепы и органических отложений (заполнение пространства постройки) - культурный слой			- камни

Рис. 20. Постройка 22. Остатки подовой печи (очага) в виде большого пятна глины с прокаленными участками, золисто-углистыми линзами и вкраплениями угольков. А – вид сверху, Б – общий вид разреза, В – разрез печи, Г – чертеж разреза печи

Рис. 21. Расчищенная верхняя часть конструкции погребя

Рис. 22. Вертикальные конструкции по периметру погребя

Рис. 23. Постройка 21. Окладной венец сруба хозяйственной постройки

Рис. 24. Постройка 21. Окладной венец сруба, выполненного в технике «в обло» с остатком. А – южный угол постройки с пазом для укладки лаги, Б – западный угол постройки с пазом для укладки лаги, В – общий вид постройки

Рис. 25. Постройка 21. Восточный угол. Пазы врубки для лаги. Фото О. В. Кардаша, 1999 г.

Рис. 26. Мангазейское городище. Посад, часть усадьбы № 2: остатки основания постройки № 26, пер. пол. XVII в.
Фото Г. П. Визгалова, 2013 г.